

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ  
МЕТРО  
2033

ИРИНА БАРАНОВА, КОНСТАНТИН БЕНЕВ

СВИДЕТЕЛЬ



FUTURE CORP.

**Ирина Владимировна Баранова**  
**Константин Иорданович Бенев**  
**Свидетель**  
**Серия «Метро»**  
**Серия «Вселенная «Метро 2033»»**

*Текст предоставлен правообладателем*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=4953006](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4953006)*

*Метро 2033: Свидетель: [роман]/ Ирина Баранова, Константин Бенев:*

*Астрель; Москва; 2013*

*ISBN 978-5-271-45997-9*

### **Аннотация**

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

В Северной Конфедерации, что образовалась на месте четырех станций метрополитена Санкт-Петербурга, всегда спокойно, как в Багдаде Гаруна аль-Рашида. Да и как может быть иначе? Ведь от всевидящего ока Алекса Грина не укрыться ни одному преступнику. Злоумышленник обязательно будет схвачен и понесет наказание в соответствии с тяжестью содеянного. Суд суров, но справедлив, ведь Грин – главный свидетель обвинения – никогда не ошибается. Никогда?..

# Содержание

Со знанием дела	5
ПРОЛОГ	8
Глава 1	11
Глава 2	34
Глава 3	46
Глава 4	58
Глава 5	74
Глава 6	91
Конец ознакомительного фрагмента.	111

**Ирина Владимировна  
Баранова,  
Константин Бенев  
Метро 2033: Свидетель**

*Посвящается нашим дорогим и любимым  
родителям*

*Не ищите ад в другом мире.*

*Он – в нас, и только мы  
способны его преодолеть.*

*К/ф «Сонная Лощина»*

**Со знанием дела  
Объяснительная записка  
Дмитрия Глуховского**

Меня до сих пор пинают за то, что в «Метро 2033» люди разводят на станциях костры (по прикидкам критиков, они непременно должны были бы задохнуться от угарного газа), за то, что всего за 20 лет после ядерной войны флора и фауна у меня в романе мутировали до неузнаваемости, и даже по-

явились новые виды разумной жизни, наконец, за то, что, как канючат самые занудные, в случае попадания современных ядерных боеголовок в цели в Москве, метро никого не спасет, а весь город превратится в озеро расплавленного стекла.

«Что это за фантастика?! – нудят до сих пор эти люди на форумах. – Так же не может быть!» Да, так быть не может. Но это потому, что «Метро» – никакая не фантастика, ребята.

Не тщательный просчет времени вероятного времени возникновения мутаций делает книгу достоверной – я два раза в Чернобыле был, я сам знаю, что двухголовых телят там нет. Не объяснение в деталях системы вентиляции станций, которая позволит жечь на них костры. И не умение описать в деталях, как именно нужно вести стрельбу из АКСУ и чем он отличается от АК-47.

Не детали автомата Калашникова важны, а психологические детали. «Калашников» – механизм, про него читайте специальные справочники. А в литературе – и в приключенческой, и в серьезной – дело-то в другом. В том, как себя герои ведут, – как живые люди, или как автору нужно. В этом достоверность.

Но вот после этого спесивого выступления я хочу вам представить книгу, в которой учтены все детали. «Свидетель» – первый настоящий детектив в серии «Вселенная Метро 2033», и мы не хотели доверить такую ответственность абы кому.

«Свидетель» написан двумя самородками портала

Metro2033.ru, финалистами нашего прошлогоднего конкурса рассказов, которых эта победа катапультировала в число издаваемых авторов (видите, с некоторыми все-таки происходят чудеса) – Ириной Барановой и Константином Беневым.

Мало того, что они оба – талантливые, у Ирины есть еще и уникальный скилл: она двадцать лет проработала следователем в правоохранительных органах. Материала (материалов), думаю, у нее накопилось предостаточно. Со знанием дела (дел) тут тоже все в порядке. Опыт такой, что многим мужчинам его было бы через край. А женщина – как и ее героиня Кристи, – ничего, выдерживает. И делится. Кому, как не ей, писать детектив?

«Свидетель» будет достоверен на всех уровнях.

После ядерной войны примерно так все и окажется.

*Дмитрий Глуховский*

# ПРОЛОГ

*Где-то кони пляшут в такт,*

*Нехотя и плавно.*

*Вдоль дороги все не так,*

*А в конце – подавно.*

*И ни церковь, ни кабак —*

*Ничего не свято!*

*Нет, ребята, все не так!*

*Все не так, ребята...*

**В. Высоцкий**

*9 ноября. 0.45. Где-то в Городе*

Из арки полуразрушенной многоэтажки вышел человек, осмотрелся – необходимая предосторожность – и только тогда махнул рукой, словно приглашая кого-то проследовать за ним. Действительно, следом показались еще трое. Сталкеры. Группа медленно, стараясь держаться подальше от стены, прошла до угла, и тут один из них неожиданно остановился и предупреждающе поднял вверх руку. Повинуясь безмолвному приказу, люди тут же заняли оборонительную позицию. Но все было тихо.

– Чего стоим? Кого ждем? – голос был недовольным, людям не терпелось поскорее миновать опасный участок.

– Петрович, действительно, долго стоять будем?

– Тихо вы! Совсем уже нюх потеряли! – цыкнул тот, кого называли Петровичем.

– Да тут и так тихо, как у...

Последние слова потонули в грохоте: стена дома напротив уступила напору времени и ветра, сложилась, рухнула вниз, подняв тучу пыли, перемешанной со снегом и сажей. Люди едва успели отскочить. Мгновение, и наступила пугающая тишина.

– Что за чертовщина? Теперь обходить придется!

– Да уж, домой приду, в Мурино, в церковь схожу. Не иначе Бог отвел.

– Не Бог, а Петрович. У него нюх на такое.

– Не нюх, а слух. Пошли обход искать. Жалко, хорошая дорога была, обжитая.

Группа двинулась обратно. Район был знакомый, изученный, но обстановка менялась ежедневно, если не ежечасно: где-то, как сейчас, рухнет дом, где-то тварь себе лежку облюбует. Нос по ветру держать приходилось постоянно.

Шли преимущественно молча: много ли наговоришь в противогазе, да и обстановочка к беседам не особо располагает. Но совсем молчать стремно, скучно.

– Вот говорили тебе, Косой, не надо ныкаться по таким местам: и идем пустые, и ноги чуть унесли, – подал голос один из сталкеров.

– Ты много чего говоришь, да только все не по делу.

– Тише вы! – крикнул Петрович. – Слышите?

– Вроде стонет кто, – произнес тот, кого назвали Косым.

Стон раздавался со стороны разрушенного торгового павильона. Отряд быстрым шагом направился к месту обрушения. Пара вояк заняла круговую оборону, двое других принялись разгребать кирпичи. Еще немного, и из-под завала показалась рука.

– Еще один! – крикнул сталкер, разгребаящий завал с другого края.

– Жмуры, оба. Один, видать, только что преставился. Царствие им небесное... Мужики, общите. Документы, какие есть, забирайте, потом сообщим, кому надо; хабар, тоже берем, не пропадать же добру. Да завалим их обратно.

В этот момент один из разведчиков гадливо отскочил от трупа и плюнул в сторону, начисто забыв, что на нем противогаз:

– Мама родная! Тфу, да то ж веганцы...

Спустя три часа рапорт Петровича вместе с найденными у покойников бумагами лег на стол заместителя начальника службы безопасности Северной Конфедерации Андрея Мороза.

# Глава 1

## ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА И ИСПОЛНИТЕЛИ

*Я устал быть в дороге и одинокий, как воробей  
под дождем...*

*Я устал, что у меня никогда не было друга,  
с которым можно поговорить, куда мы идем,  
откуда и зачем?*

*Я устал, что все люди жестоки и беспощадны.  
Я устал от боли, которую я чувствую и слышу  
в мире каждый день...*

*Это слишком много...*

*Здесь... в голове... как будто осколки стекла...*

*Каждый день... Ты можешь понять?*

*К/ф «Зеленая миля»*

*5 ноября, 15.25. Перегон между станциями  
Гражданский проспект и Девяткино, сторожка.*

Мазай с любопытством разглядывал неожиданного гостя: мужчина был худ, грязен и, по всей вероятности, очень слаб.

– Что смотришь, дед? Ты уж решай скорее, что делать-то со мной... – голос человека дрогнул. Он действительно очень устал – переход по зараженному радиацией и полному тварей городу дался ему с трудом.

– Дед... Хм... Хотя, для тебя, наверное, и вправду дед... А я ведь помню тебя. Андрей, кажется? Значит, жив еще, – последняя фраза прозвучала как констатация некоего, не совсем приятного, факта.

Гость понял это по-своему, усмехнулся:

– Угу. Живее не бывает. Дед, ты определяйся. Не, я и в самом деле без претензий, все равно хана. Посплю тут, ладно? Разморило. Тепло...

Андрей ничуть не лукавил, ему действительно было сейчас все равно: внутри словно что-то сломалось, сдулось; то напряжение, которое питало его силы и благодаря которому он еще был жив, ушло. Из всех желаний остались только два – спать и есть. Причем спать, почему-то, хотелось сильнее.

– Вон туда ложись, там за стеной печка. И не бойся, не выдам. Рванину свою скидывай и в печь суй сразу же. Топить буду – сожгу, вшей мне тут без надобности.

– Не, вошиков у меня нету. За этим ТАМ, – гость невольно поежился, – следили строго.

Впрочем, уговаривать его не пришлось: он, ничуть не смущаясь постороннего присутствия, стащил с себя все, включая трусы, и не лег – упал на скамейку, которую указал ему хозяин, даже не потрудившись укрыться. И тут же засопел.

Прикрыв мужчину старой фуфайкой, Мазай еще немного постоял рядом, рассматривая спящего. Досталось парню, что и говорить. Не зря, видать, про «Дачу» рассказывают всякую жуть...

Дача. Для многих поколений горожан это слово было связано с летом, рекой, лесом, сладостным отпускным бездельем. Стоило произнести его, как вспоминались смоляной дух соснового бора, сладка ягода земляника, «шашлычок под коньячок», что вкусный очень. Это раньше. Ну а теперь любого жителя Конфедерации, включая малолетних и стариков, от этого слова бросает в холодный пот и хочется то ли перекреститься, то ли сплюнуть через плечо, пробормотав: «Чур меня!». Сейчас уже и не скажет никто, благодаря чьей извращенной фантазии «Дачей» стали называть местную тюрьму, вернее, и не тюрьму даже, а скорее, лагерь, где за скудную пайку несли исправительно-трудовую повинность все те, кто так или иначе согрешил перед законом: воры, бездельники, не желающие работать добровольно, любители выпить без меры, пристрастившиеся к «веселым грибочкам». Была там и парочка таких, кто этими самыми грибочками промышлял, были и драчуны – дебоширы. И убийцы тоже там были: кто-то поругался с соседом да силушку не рассчитал, кто-то на жену по пьяни руку поднял... Страшное место. Выдержать там год – уже подвиг, поэтому сроки, как правило, ограничивались неделями и месяцами. Три или пять лет были, пожалуй что, равносильны смертной казни, поэтому второй раз «на Дачу» попадать зарекались, и за всю

историю ее существования не было ни одного случая рецидива. Как не было до этого ни одного побега. Андреем двигало отчаяние: он единственный, кто был осужден пожизненно. За убийство. Жестокое, немотивированное...

\* \* \*

Гостя напои, накорми, в баньке попарь да спать уложи. Потом разговоры говори. Прямо как у Бабы-Яги. А этот, на топчане, что получается, Иван-царевич?

Такое неожиданное сравнение развеселило Мазая. А что? Чем он не Баба-Яга? Такой же отшельник, пятидесяти нет, а уже дедом называют. Да и сторожка на сказочный дом вполне потянет: на двенадцати квадратах и печка, и «офис», и спальня с настоящей (!) кроватью. И даже банька. Чем не сказочное чудо? Сам не увидишь – не поверишь. И не важно, что «спальня» отгорожена от «офиса» занавеской, и стоит там только та самая кровать, а банька – закуток за печкой: полоч да скамейка для ведер. Тазу там уже тесновато.

Вообще-то тут раньше был блокпост. После Удара гермы в туннелях, как им и положено, закрылись. А вот когда их открыли потом, что-то там не сработало, и обратно закрыть до конца уже не смогли. Пришлось перекрывать перегон до Девяткино людьми. Хорошо, фонит не сильно. Блокпост «прожил» ровно десять лет. Расформировали его, когда стало ясно, что затея эта пустая: в то время, когда про остальной го-

род рассказывали всякие страсти, тут, у Девяткино, за все время – ни одного нападения: ни человека, ни жутких тварей. Волки с собаками и прочая «человеческая» живность не в счет. В чем тут причина, во многом осталось загадкой до сих пор.

Правда, появилось потом одно чудо, прозвали чупакаброй. Странное имя, но прижилось. Эта «милая» зверушка, не иначе как помесь лисы со свиньей (или не помесь вовсе, кто тут разберет, но пушистый хвост и пяточок в наличии имеются) никого рядом с собой не терпела, однако, как выяснилось, быстро сообразила, что человек – существо опасное. Но с остальными представителями местной фауны за свою территорию дралась отчаянно. И пока побеждала с большим преимуществом. Умная, зараза, быстро про ловушки сообразила. Сторож поймал себя на мысли, что думает об этом порождении ада (ну не Бог же так пошутил?) почти с нежностью. Не, точно, забавный зверь. Можно сказать, помощник: не досаждают и других не пускает. Так что, своим положением Мазай ей, наверное, немного обязан.

Незванный гость спутал охраннику все планы – до темноты он собирался проверить капканы, коими были перекрыты подходы к туннелю: чупакабра – чупакаброй, но и сам не плошай. Простая формальность, конечно, но правила есть правила, и пишутся они зачастую кровью. Вот и тут. Когда-то несоблюдение этого простейшего ритуала стоило его напарнику жизни, поэтому Мазай не рисковал. Надо, значит,

надо. Да и в удовольствие было прогуляться вечером под небом. Зимой в этих краях светает поздно, а ночь наступает очень быстро: не успеешь насладиться неласковым зимним солнцем, как уже смеркается.

Он уже собрался уходить, когда услышал за дверью какой-то шум. Реакция была мгновенной: Мазай весь подбрался и сразу же стал походить на огромного кота, охотящегося на мышь. На то, чтобы разобраться в природе шума и понять, откуда он идет, потребовались секунды.

– Интересно, кого это там принесло?..

И вот теперь это самое «принесло» спало на топчане, а он впервые за многие годы не вышел на вечерний осмотр. Да и ладно, утром пройдетя.

Андрей проспал до поздней ночи. Мазай не стал его будить, но и сам не лег: потихоньку сготовил ужин, натопил печь и нагрел воды, подобрал для гостя кое-какую одежду, собрал ему в дорогу «тормозок».

Банька хоть и крохотная, неправская по обычным меркам, устроена была грамотно, и жар в ней был настоящий. Была даже каменка, а как иначе? Как по-другому с себя грязь смыть, если мыло в жутком дефиците? Правда, что сейчас не в дефиците?..

Ужинали молча: каждый понимал, что главный разговор еще впереди, и всячески пытался отсрочить его. Мазай заговорил первым, заметив, что Андрей, разомлевший от бани и сытной еды, стал клевать носом прямо за столом:

– Спать ляжешь тут же, на топчане, я постелил. Моя сме-на только началась. Теоретически, ты можешь прожить тут целый месяц – ни держать, ни гнать тебя я не буду. Уйдешь, когда захочешь. Теплые вещи я тебе дам. Продукты тоже со-брал, – он кивнул в сторону «тормозка», – на первое время хватит.

– Спасибо тебе, дед. Только можно уж не сейчас?..

– Говорю же – не гоню. Живи. Сил набирайся.

Они помолчали. Потом Мазай задал тот самый вопрос, что не давал покоя ему весь вечер:

– Скажи, куда ты теперь?

Парень потупил глаза.

– Значит, в метро. Дело твое. Только послушай совета: брось. Если хочешь жить, забудь. Отомстить ты все равно не сможешь.

– Что ты понимаешь, дед... Ты там не был. Никакая месть мне этого года не вернет. Я разобраться хочу. Мне интерес-но, за что все это? Кому я дорогу перешел?!

– Но ведь Грин, говорят, никогда не ошибается? – Ма-зай невольно поежился: тьфу-тьфу, не к ночи будь помянут: страшный человек, этот Грин.

– Не ошибается... Так что же ты меня тут кормишь-по-ишь? Если веришь, что я убийца?!

– Кто сказал, что верю? Верить можно только себе, и то – через раз: захочешь чихнуть, а получится... Ладно, я не о том. Дорогу тебе выбирать, а пока – живи. Надеюсь, в случае

чего, не выдашь, где харчами разжился? Ну что, давай спать? Утро вечера мудренее, завтра договорим...

Когда Мазай скрылся за своей занавеской, гость прошептал ему в след:

– Не беспокойся, дед, никто не узнает.

*9 ноября, 02.57. Станция Гражданский проспект, блокпост в перегоне к Девяткино*

Блокпост был укреплен по всем правилам: шлагбаум, перегораживающий пути, баррикада по бокам, пулемет и даже прожектор. Туннель, за исключением небольшого пяточка у самой баррикады, не освещался, и яркий свет в случае чего мог на некоторое время парализовать возможного противника, давая защитникам станции существенную фору. Вот только от незваных гостей Бог пока миловал, караваны с Мурино приходили точно по расписанию, ну а другие обитатели верхнего мира обходили вход в туннель стороной. Дежурные скучали: Устав четко прописывал правила поведения и порядок несения дежурства, и попасть на пару месяцев на «Дачу» за его нарушение никому не хотелось, но и торчать тут за здорово живешь тоже порядком поднадоело. «Хоть бы случилось чего», – такая мысль хоть раз, но приходила в голову каждому из постовых.

Гость появился глубоко за полночь, изрядно переполошив дежурную смену, в полном составе задремавшую во время

несения службы. Убедившись, что человек один и никакого подвоха тут нет, запустили его на территорию блокпоста.

– Имя, фамилия, цель визита, – оконфузившись в самом начале, старший смены старательно пытался напустить на себя максимум серьезности. Если учесть, что на вид было ему не больше двадцати, то смотрелось это забавно.

– Векс, – поймав недоуменный взгляд охранника, тут же поправился: – Великанов, Кирилл Сергеевич. Векс, это я так, для удобства.

– Паспорт есть?

– А то как же! – Векс с готовностью протянул заранее приготовленный документ. – Держи! Ты такого, небось, и не видел никогда.

Судя по реакции парня – точно, не видел. Да и откуда?

Данные из паспорта были старательно переписаны в «гроссбух», Векс уже протянул за документом руку, как старший, сравнив в очередной раз фотографию с оригиналом, вдруг заявил:

– На фотке – не ты!

Векс опешил:

– Как не я?! Ты посмотри внимательнее! Я это, но молодой! Тут мне сколько? Двадцать два! А сейчас? Посчитай – год рождения у меня какой? Ну а уж после две тысячи тринадцатого фотографии вымерли как класс. Вместе со своими аппаратами! Так что, звиняйте, другой сделать не удалось...

– Паш, да он это, чего привязался. Похож же!

Второй охранник тоже был очень молод, да и вообще весь наряд состоял из одних мальчишек. Несерьезно как-то...

Паша еще немного повертел в руках документ, зачем-то попробовал оторвать фотографию, потом снисходительно произнес:

– Ладно, вещи для досмотра подготовь... – и, вдруг, словно опомнившись, добавил: — ...те.

Вещей у Векса оказалось немного, и среди них не было ничего, что могло бы вызвать подозрение. Обычный набор: немного продуктов, фонарик – динамо, нож, веревка, старое охотничье ружье. Плащ-палатку и теплые ботинки, в которых он шел сюда, мужчина загодя снял и упаковал отдельно.

– Цель визита?

– Транзит.

– А что за надобность такая была – ночью идти?

– Так получилось. Наверху пурга, подзадержался.

– А как там наш Мазай?

Векс если и замешкался с ответом, то только на секунду:

– Кто?

– Смотритель в сторожке. Видели же, ее трудно не заметить. Или не заходили?

– Поздно было, будить не стал.

– Интересно, а что вот вас в метро потянуло? На поверхности, наверное, интереснее?

Тот, кого напарник назвал Пашей, не удержался, фыркнул:

– Макс, ты что, в безопасники решил податься?

– Да нет, – парень смутился, – просто. Интересно же. Я вот там ни разу в жизни еще не был.

– Какие твои годы, побываешь...

Векс собрался было уходить, но старший караула остановил его.

– Кирилл Сергеевич, вы, это, подождите, – от смущения парень покраснел и стал заикаться, но потом взял себя в руки. – Во-первых, оружие придется тут оставить, потом получите.

– Когда потом-то? Я же сказал – транзит!

– Все равно... Разрешение на проход через станции Конфедерации выдает начальник, а он сейчас спит, ночь же. Так что до утра придется задержаться. Тут гостиница есть, место всегда найдется. А грязное так или иначе обрабатывать нужно.

Векс чертыхнулся про себя: задерживаться никак не входило в его планы. Но вслух произнес:

– Ну и где тут у вас эта гостиница?

*9 ноября, 04.00. Станция Гражданский проспект. Алекс*

Алекс открыл глаза. Он всегда просыпался очень рано. Дело было вовсе не в привычке или в бессоннице: у телефонного аппарата, используемого для внутренней связи, был жутко неприятный зуммер, заставлявший организм го-

товиться к звонку, а с ним – и к плохим новостям, заранее. Какое-то время он просто лежал с открытыми глазами. Как же тихо в утренние часы. Ни одного звука. Гробовая тишина. Наверное, схожие ощущения должен испытывать заживо погребенный. А чем, собственно, они от них отличаются? Лишь возможностью передвигаться в этой огромной братской могиле. Устанавливать законы, подчиняться правилам да еще продолжать убивать друг друга. Убивать, несмотря на то, что для человечества все уже закончилось...

Алекс присел и посмотрел на часы. Оказывается, еще очень рано, можно и поспать.

Кричаще-колючие звуки аппарата заставили его подскокнуть на постели.

– Алекс Грин? – голос в трубке был неприятный, искаженный, с металлическими нотками. Неживой. Координатор...

– Нет. Он вышел, – спокойствие давалось Алексу с трудом, но доставлять удовольствие звонившему ему никак не хотелось.

– Неудачная шутка, Алекс. Сверхпунктуальный Грин никак не может проснуться? – яда в голосе говорившего было столько, что мужчина невольно подумал: как только тот в нем до сих пор не захлебнулся? Но вслух произнес:

– Ничего подобного, я всю ночь сидел и ждал, когда меня кто-нибудь разбудит ни свет ни заря. Надо чего?

Последний вопрос был лишним, Алекс уже и так понял, что случилось нечто из ряда вон выходящее. Сердце сжа-

лось. Неужели опять? Опять оборвалась чья-то жизнь, опять кто-то нарушил святую заповедь – не убий...

– Вызывают. Срочно.

– Вызывают... всех? – растягивая слова и стараясь скрыть дрожь в голосе, спросил Алекс.

В вопросе не было ничего необычного: группу в полном составе – то есть его и Кристи – вызывали далеко не всегда. Но Координатор понял вопрос по-своему, и правильно, кстати, понял:

– Кристи вызывают. Тебя же она интересуется? – он вновь перешел на язвительный тон.

Алекс разозлился. В первую очередь на себя, за то, что выдал волнение. Ну и на звонившего, который слишком много знал и даже не пытался скрыть этого.

– И что же на сей раз сообщит нам глашатай Великого визиря?

На том конце провода засмеялись:

– У Алекса новая шутка?

– Нет, Алекс битый час пытается выяснить, зачем его разбудили!

– У нас убийство. В административном секторе.

Вот те раз! Да... Тут ни бытовухой, ни банальным ограблением, пожалуй, и не пахнет. Вернее, как раз пахнет. Плохо пахнет!

– И не задерживайся, ВСЕ уже на месте...

Аппарат крякнул и затих.

– Что ж ты, скотина, столько времени лясы-то со мной точил? – зло поинтересовался Алекс, бросая трубку.

Разговор оставил неприятный осадок. Попытка отогнать дурные мысли ни к чему не привела, хороших, которые могли бы их вытеснить, просто не было.

Алекс подошел к умывальнику (роскошь, доступная не всякому!). Внимательно посмотрелся в зеркало, сделал попытку улыбнуться. Отражение тоже улыбнулось ему.

– Доброе утро, Саша...

Саша. Человек из прошлой жизни. Слезы навернулись сами собой, отражение смазлось...

\* \* \*

Фотовспышки маленькими молниями разорвали темноту небольшого помещения.

– Все! Снято!

Тут же зажегся верхний свет, и толпа, до отказа заполнившая студию, загалдела. Смех, аплодисменты, стук собираемого студийного оборудования...

Молодой человек в дорогом костюме вышел на середину зала, захлопал в ладоши, привлекая внимание:

– Господа! Господа-а-а! Всех поздравляю с окончанием! И приглашаю во «Фрегат» – событие надо достойно отметить!

Толпа в ответ дружно зааплодировала, а кто-то даже крик-

нул троекратное «Ура!».

Приглашающий подошел к стоящему в стороне ото всех фотографу. Тот собирал свою технику.

– Ну, старик, ты молоток! – хлопнул он его по плечу. – Раньше срока!

– Я старался, – парень улыбнулся.

– Бросай все здесь, и поехали, покутим на полную!

– Сереж, я домой. Хочу к утру все Главному сдать, – смутился молодой человек.

– Саш, да ты чего? – развел руками приглашающий. – У тебя еще три дня есть на это.

– Вот из-за этих дней и стараюсь. Мы с Машкой хотели на озеро съездить...

Сергей рассмеялся:

– Твоя Каменская победила организованную преступность?!

– Вроде того. Только ты ее при встрече не называй так.

– Что, не нравится?

– Угу. Не называй, договорились?

– Ладно...

– Мальчики, что же вы? Мы уже заждались.

Сергей приобнял сразу обеих подошедших к ним девушек:

– Ох, красавицы!

Чмокнув в щеку сначала одну, потом вторую, произнес:

– Девочки, господин Гринев нас покидает.

– У-у-у! Почему? – надула губки одна из них. – Мы так не играем! Вы же главный герой этого вечера...

– Главный герой... Скажете еще, – Саша улыбнулся. – Вы, вы мои главные героини! Но... Дела. В следующий раз – обязательно!

Сергей бросил взгляд на часы, хитро прищурил глаза:

– А мосты-то сейчас уже разведут. Не успеешь...

– А я по вантовому, – в тон ему ответил фотограф. – Долго, но наверняка. Не обижайся, Серег, в другой раз точно. Обещаю.

– Давай, тогда хоть Вадим тебя отвезет?

– Не, не надо. Идите гуляйте. Я пройдусь немного, подышу, а потом поймаю машину.

– Ну, как хочешь, – парень потянул руку для прощания. – Давай, старик! Позвони на днях.

Саша вышел из парадной. В лицо повеяло речным ветерком, после студийной духоты это было очень кстати. Лето в этом году выдалось неожиданно жарким. Для горожан это явилось приятным сюрпризом, но уже спустя месяц стало порядком надоедать. Народ ждал ночи, толпами вываливал на улицы, гуляя по набережным и наслаждаясь мимолетной прохладой. Закинув рюкзак с аппаратами на спину, Гринев двинулся домой, с удовольствием вдыхая запахи остывающего асфальта, зелени и водорослей. Все сегодня радовало и приятно удивляло его: и два старика, играющие в шахматы на скамейке в сквере, и влюбленная парочка, целующаяся

прямо посередине тротуара, и рыбаки, пытающиеся что-то словить в мутной воде канала. Вдруг ночную тишину разорвало громогласное «Ура-а-а!», свист, хлопки сотен ладоней и канонада пробок, вылетающих из бутылок с шампанским.

– Мосты развели! – улыбнулся Саша.

Обычное дело: развести мосты и пропустить скопившиеся за день корабли. А какое событие! Несколько тысяч человек еженощно ждут этого. Едут со всей страны, стоят часами, занимают загодя место. И ради чего? А потом будут счастливые бродить по острову и ждать, пока их сведут снова. Да что далеко ходить: сами же с Машкой принимали участие в этом магическом ритуале. И не раз...

Ну, вот, кажется, все выветрилось из головы, остыл, наконец. Можно и машину ловить. Домой...

\* \* \*

Картинка пропала так же неожиданно, как и появилась. Воспоминания отступили. Сердце бешено стучало. Видение, как и всегда, длилось несколько секунд, но вымотало его.

Алекс наполнил сложенные ладони водой и выплеснул содержимое на лицо, потом еще, и еще. Посмотрелся в зеркало. По лицу человека, что был там, в Зазеркалье, стекала вода. Казалось, он плачет и что-то хочет сказать, просит о помощи...

– Ну, Саш, ты чего? Все хорошо будет!

– Как же ты изменился...

Действительно, он сейчас мало напоминал того Сашу Гринева, мечтателя и романтика, который только что явился ему в видении. Лицо осунулось, глаза впали. Кожа стала бледной: сказывалось отсутствие солнечного света. Но дело не только в этом. И не в том, что между ними разница в двадцать лет. Нет, просто Саша Гринев умер тогда, в тот страшный день. Вместо него родился он, Алекс Грин, проклятый человек.

Алекс уже хотел закончить умываться, как что-то вспомнил. Кристи... Его обдало жаром. Пошарив в тумбочке, он нашел расческу, кусок мыла. Повертел в руке выдавшую виды бритву...

Отражение в зеркале улыбнулось. Алекс улыбнулся в ответ:

– Спасибо, что напомнил! Старею, брат, старею...

Он опять улыбнулся. Кристи... Пожалуй, это единственное, что держало его на плаву. Единственное, ради чего он терпел эту жизнь все эти годы. Они не так часто виделись и практически никогда не оставались наедине. Почти не говорили друг с другом: ему никак не удавалось преодолеть волнение и заговорить про вещи, не касающиеся их профессиональной сферы, а она тоже молчала. Волнение... Алекс фыркнул: да он просто панически ее боялся! Поэтому только украдкой иногда глядел на нее. А потом долго ругал себя за бездействие и робость, обещая, что такое больше не повторится, но... Вот и сейчас Алекс чувствовал себя, как маль-

чишка перед первым свиданием.

Ай! Надо же, порезался!..

Ну вот он и готов:

– Я пошел?

Подмигнул отражению в зеркале:

– Знаю! Все знаю! Я постараюсь. Обещаю!

*9 ноября, 04.00. Станция Гражданский проспект. Кристи*

Она не любила свое имя. Оно казалось ей слишком вычурным, слишком красивым и совсем не подходящим к ее внешности. Кристина... Ну какая она, скажите на милость, Кристина? Ни кожи, ни, простите, рожи. Такое имя только для красавиц. Она мечтала: вот вырастет и обязательно сменит его! Но выросла, и проблема с именем ушла на второй план. А когда еще и узнала, что Кристина – это все равно, что смешное и нелепое Христина, вообще успокоилась: Христина – вот это – для нее. Христя. Или... Или Кристи.

Она примерила новое имя, как новое платье: покрутилась у зеркала, повторяя его вслух и про себя, придирчиво оценила прическу и решила: подходит! Кристи... Нос «уточкой», глаза, чуть раскосые, не поймешь, то ли карие, то ли зеленые. В довершение портрета: бледная кожа и волосы, на ее фоне смотревшиеся почти черными. Вот только... Она решительно взяла ножницы.

Что изменилось с годами? Все. И ничего. Кристи так и не суждено было превратиться в Кристину. Из зеркала на нее по-прежнему смотрит та девчонка пятнадцати лет от роду, с вздернутым носом и широко расставленными глазами. Только вот ежик на голове поседел, ну и прибавились, конечно, «гусиные лапки» у глаз да горестные складки в уголках рта.

Кому-то это покажется странным, но имя определило ее судьбу. В самом прямом смысле. Первую книжку Агаты Кристи она прочла исключительно из-за фамилии автора. Читиво увлекло, захотелось продолжения. Потом мисс Марпл сменил Эркюль Пуаро, который, в свою очередь, был отправлен в отставку в угоду Шерлоку Холмсу (куда ж без него-то!). Потом были Чейз, Стаут, позднее – наши Вайнеры... К семнадцати годам она перечитала все, что смогла купить, взять в библиотеках, у друзей и знакомых. Что-то перечитывала по нескольку раз, что-то – откладывала «на потом» и возвращалась, когда «дорастала» до содержания. Родители не считали детектив за литературу вообще, и пристрастия дочери к этому жанру не разделяли. Но других проблем Кристину им не доставляла, и они рассудили вполне здраво: пусть уж лучше детективы, чем пиво или, упаси Бог, наркотики. Правда, такое увлечение не всех приводит на юрфак и тем более на работу в ментовку. Но ее вот привело. Когда Кристи объявила о своих намерениях, родители пришли в ужас. Мать прямо заявила, что желает видеть ее бухгалтером или экономистом: профессия и тихая, и хорошо оплачиваемая. Для женщины –

самое то. Дома был скандал: Кристи выдержала трехдневную осаду, но своего добила. Известие о том, что дочь уезжает учиться в другой город, было воспринято уже спокойнее. На третьем курсе она выскочила замуж и домой к родителям больше уже не вернулась.

За три года, прошедшие после окончания учебы, Кристи выбиралась к ним лишь дважды, в отпуск. И сейчас жутко жалела об этом. Живы ли они? Скорее всего, нет: в городе, где она родилась и выросла, не было метро, а в том, что Катастрофа накрыла и его, сомневаться не приходилось.

Мечту свою – попасть на работу в милицию, Кристина осуществила. Правда, не на оперативную работу, как по глупости мечтала в начале, а в следствие. Она даже успела дослужиться со старшего лейтенанта и, на момент Катастрофы, была в своем отделе уже старожилом, считаясь достаточно перспективным следователем. Главным образом потому, что была неглупа, работоспособна и, что немаловажно, не стремилась сменить нелегкий ментовский труд на более престижный и высокооплачиваемый.

Как оказалось, Рату этого вполне хватило, и он назначил ее начальником следственного отдела при Службе Безопасности Конфедерации. Прямо как в прежние времена: старший следователь СО СУ при... Громкое название. Особенно, если учесть, что очень скоро в отделе она осталась одна: сам себе начальник, сам себе следователь.

Сегодня Кристи проснулась среди ночи: она опять пла-

кала во сне. Сразу вспомнила, почему: сон. Когда-то давно он приснился ей как раз накануне Катастрофы. И вот теперь она увидела его опять: родители уходят от нее в крошечную тьму, она понимает, что это навсегда, но ничего сделать не может. Туда, куда они ушли, ей дороги нет. Пока нет.

Было холодно. Она представила, какая сейчас вода в умывальнике. Бр-р-р... Ночью воду не подогревали, теплая будет только к утру: экономия. В душ бы. А лучше – в баню. Усмехнулась. Во, размечталась-то. Баня... Где ее теперь возьмешь?

Хозблок в другом конце станции, но Кристи устроила свой миниумывальник по типу того, что у них был когда-то в саду: пластиковая бутылка с крышкой (ничто их не берет, даже радиация) и большая эмалированная миска. Если лить аккуратно, то очень даже хорошее приспособление. А Кристи лила аккуратно, она вообще была очень аккуратной...

От холодной воды женщина покраснела. Взъерошила и пригладила волосы: ну вот, она готова. Теперь можно и почитать, а потом, если захочется, и поспать еще, до общей побудки. Ночью освещение – две лампочки, горевшие в полнакала – оставляли лишь на перроне и около туалета в туннеле, но у Кристи был стратегический запас – свечка. Вообще-то открытый огонь, мягко сказать, не приветствовался, но если очень хочется?..

Читать не получалось – ночной кошмар никак не шел из головы. Комнатка крошечная, но в углах все равно клубится темнота, огоньку свечки ее никогда не разогнать. Почему-то

подумалось: интересно, а какая комната у Алекса? Наверняка не такой закуток, как у нее.

В этот момент телефон внутренней связи ожил.

– Мадам Следователь?

– Зачем так официально? Или имя мое забыл? – Координатора она терпеть не могла, а его издевательски-шутливую манеру изъясняться – еще больше. Сердце бешено забилося: в такую рань могут вызвать только на что-то чрезвычайное. – Случилось что?

– Да, мадам, сегодня есть работа для вашего величества, – в трубке раздался каркающий смех. – Сегодня у вас свидание. В административном секторе.

У Кристи засосало под ложечкой, а голос сорвался, когда она спросила:

– Что – в административном секторе?

– Убийство.

Вот те на! Она некоторое время еще стояла с прижатой к уху телефонной трубкой, не замечая, что на другом конце провода ее собеседник давно уже положил свою. Убийство в административном секторе... Кого бы там ни убили, но за этим наверняка стоит нечто большее, чем просто смерть.

Кристи взяла свою рабочую сумку, еще раз глянула в зеркало. Все. День начался...

# Глава 2

## ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ

*И запах крови, многих веселя...*  
**В. Высоцкий**

*9 ноября, 04.57. Станция Гражданский проспект, административный сектор*

До общей побудки оставался еще целый час, но народ, большей частью взрослые, уже проснулся и потянулся к умывальникам, а со стороны кухни повеяло теплом и запахло чем-то вкусеньким... Кристи сглотнула слюну: завтрак ей сегодня точно не светит. Ладно, переживет, не впервой! Зато никакой угрозы лишних килограммов, идеальная фигура без особого труда. Типа, как в старом анекдоте: гильотина – лучшее средство от головной боли...

К административному сектору надо идти через всю платформу: Рат устроил его в служебных помещениях, скрывающихся за огромным панно в торце станции. Кристи давно подмывало спросить, что подвигло его сделать столицей Конфедерации именно «Гражданку»? Ничего «столичного» – серенькая, обыкновенная. Лично она подозревала, что именно из-за этого панно – герба почившего в бозе огромного государства. Другие станции хоть были и краси-

вее, но вот такого панно точно не имели. Рат же любил внешние эффекты, да и про государство это всегда вспоминал с теплотой, Кристи абсолютно непонятной. Откуда это у него? Разница в возрасте между ними всего лет восемь, можно сказать, что сейчас уже никакая. Но вот она про этот самый Советский Союз знала только из учебника да по рассказам, а Рат, оказывается, не только помнил, но и всегда подчеркивал, что Конфедерацию устроил по его образу и подобию. Что ж, не такое оно и плохое было, наверное. Лично ее эти «образ и подобие» вполне устраивали. Да и не только ее: люди тут не голодали, а за это что угодно потерпеть можно. Даже причуды Координатора, будь он неладен...

Кто из простых смертных двадцать лет назад представлял себе точно, что такое на самом деле метрополитен? Пожалуй, только диггеры. Кристи знавала одного такого. Он-то первый и просветил ее: метро – это не только станции да туннели по бокам. Тут помимо платформы и вестибюля еще куча разных помещений, а туннелей – и того больше. Знала бы, как дело повернется, побольше с ним на эту тему общалась бы. Так что, кое-какое представление о метро к моменту Катастрофы у нее имелось. И все равно, попав сюда, Кристи поразились: подсобок было столько, что с лихвой хватило на обустройство станции, в одночасье превратившейся в жилище для нескольких сотен несчастных. А что касается кухни и душевых с туалетами, так они вообще, оказывается, тут заранее устроены были, осталось только приспособить к мест-

НЫМ УСЛОВИЯМ.

Приспосабливать, правда, все пришлось. Это сейчас станция имела вполне обжитой вид, со сложившимся, относительно налаженным бытом. То, что было в самом начале, да же вспоминать не хотелось – кошмар. Но пережили, и живут. Вернее сказать, приспособились. Настоящая жизнь осталась там, на поверхности, в прошлом. Тут скорее эрзац...

– Ну надо же, уже тут как тут! Развлекаемся?

Как же ее раздражали эти любопытствующие! И ведь ничего их не берет, никакая Катастрофа! Вечные, как тараканы. Блин, испробовать проверенный способ?

Кристи нарочито громко произнесла:

– Так, уважаемые, мне нужны двое понятых. Потом надо будет все увиденное публично засвидетельствовать. Кто согласен? – и сама испугалась сказанному: что она мелет? Какое публичное засвидетельствование?

Толпа, однако, рассосалась в миг: ноги сделали даже те, кто и слова-то такого – понятой – никогда не слышал. Вот и миленько. А то нашли развлекашку, театр бесплатный...

Яркое пятно на фоне стены – вход, да уж, тут на освещении не экономят.

– Рат? – признать в сидевшем на пороге пожилым человеке в халате и тапочках на босу ногу все сильного хозяина Конфедерации было сложно. И дело не только в домашнем одеянии: Рат как-то сник, усох, уменьшился в размерах. А когда заговорил – просительным, виноватым каким-то голо-

сом, – это впечатление только усилилось.

– Я всех выгнал, она... – Рат шумно вобрал в себя воздух, – она там одна... – и, не выдержав, он тихонько заскулил, но тут же уткнулся лицом в пушистый рукав.

Страшное дело – мужские слезы. За все свои сорок с хвостиком Кристи всего второй раз в жизни видела, как плачет мужчина. Причем в первый раз она наблюдала это задолго до Катастрофы, еще в своем родном городе.

– Рат... – Кристи вдруг захотелось погладить его, приласкать: она уже поняла, что произошло. – Как это случилось?

– Не знаю. Я даже не знаю, надругались над ней или нет, – Кристи невольно отметила: неисправимый матерщинник и хам, Рат употребил абсолютно нехарактерное для него и вполне литературное слово – «надругались».

– Нашел кто?

– Я. Минут сорок назад. Или с полчаса. Не знаю...

Кристи хотела уже задать следующий вопрос, но мужчина заговорил сам, не останавливаясь:

– Вышел от себя, в туалет проснулся, – Кристи опять отметила: это «в туалет»... Еще вчера Рат выразился бы более определенно... – В коридоре полумрак, мы никогда свет не выключаем, мало ли что? Она перед дверью лежала, голенькая совсем. Я испугался, знаешь, – Кристи поразила его взглядом: так смотрят дети, когда не понимают, за что их наказывают взрослые, – холодно же, она простудится. А потом понял все... Сразу понял. Только вот за что? Не пони-

маю..... – и Рат опять уткнулся в рукав.

– Феликс...

Рат встал, Кристи обратила внимание, что от его стати не осталось и следа, перед ней, казалось, был глубокий старик, сторбленный и несчастный.

– Я закричал. Я, наверное, так кричал, что вся эта кодла, – он мотнул головой в сторону, – повыскакивала!

Кристи только сейчас обратила внимание, что в стороне жмутся полуодетые обитатели адмсектора.

А Рат, между тем, все говорил, и говорил:

– Я их выгнал и сам ушел. Боюсь. Не, не девочки моей. Просто если трону ее, то не выдержу: унесу к себе и никому не отдам. Я с ума схожу, Крис... А этим не верю. Она же кричала, она должна была звать на помощь... А они не слышали, дрыхли! И я не слышал... Крис, я... я проспал ее!..

Собственно, с Ратом ясно. Пусть сбивчиво, но он рассказал все, что пока ей было необходимо, а остальное могло и подождать. Теперь надо собраться и – работать. Эмоции, слезы – это все потом.

– Ленъ, – обратилась она к охраннику, – Мамбу поторопи, и скажи, чтоб с собой успокоительного захватил, что есть.

С девочкой надо бы закончить побыстрее. Ну где же Алекс? Нет, у нее-то работа всегда найдется, но есть определенные и не ею писанные правила. Так что, Лоре придется дожидаться этих копуш.

Придумал же Рат название – административный сектор!

Длинно и казенно. Про себя Кристи называла это место Резиденцией. Она и Рату про него говорила, но тот отверг, а переубеждать его бесполезно, – упрямый, как баран. Хотя Резиденция подходит идеально: именно тут сильные мира сего и работали, и жили. В кабинетах Кристи бывала не раз, и у самого Рата, и у начальника станции, и даже в закутке у Координатора приходилось, но в жилых комнатах – никогда. Вряд ли они сильно отличаются от ее каморки, разве что размером побольше, но она, тем не менее, поймала себя на мысли: а любопытно... Что ж, любопытство – это не порок, а, как поговаривала ее старинная подруга Анечка Воронина, большое свинство. Только где вы встречали нелюбопытного следака? Так что, Кристи просто обязана сунуть свой нос в каждую щель. И с людьми поговорить, записать основное. Только вот зачем? Сейчас явится Алекс и назовет имя убийцы, или нарисует его портрет. И все! Расследование закончено, финита ля комедия. Но нет же! Нам надо, чтоб все было по закону: осмотр – допрос – доказательства. А Алекс, типа, просто главный свидетель обвинения.

Хотя, наверное, Рат в чем-то прав: доказательства нужны. Никто не должен сомневаться в Сашиних способностях. Каждый должен помнить: в случае чего, Грин покажет именно на преступившего закон. Все происходящее – не игра и не подтасовка. Такая вот неотвратимость наказания...

Кристи старалась не смотреть в сторону Лоры. Не то что бы она боялась трупов, нет, живые однозначно опаснее по-

койников. Просто тяжело осознавать: еще вчера это был человек, а сейчас – куча разлагающейся плоти. А Лору она еще и любила. А кто ее не любил? Удалась у Рата дочка, что и говорить, не в него, в мать-покойницу. Солнышко... Было, да зашло. У какой сволочи рука поднялась?! И Рата жалко, – как он теперь? Такая потеря, – и Алекса – Кристи прекрасно видела, что ему стоят эти «свидетельские показания»... Так, стоп! Сказано же – плакать потом! Сейчас работа!

Кристи решительно вытерла выступившие слезы и приступила к осмотру.

\* \* \*

Алекс с удивлением отметил: для столь раннего часа на станции необычно шумно илюдно. Большинство граждан кучковалось неподалеку от входа в туннель. Происшедшее обсуждали не таясь, поэтому гул стоял, как в растревоженном улье.

Он немного понаблюдав за толпой: счастливые люди, говорят друг с другом и не чураются, а потом решительно двинулся вперед.

Кто-то сказал: «Грин идет», и народ моментально замолчал, расступился. Когда-то ему доставляла удовольствие подобная реакция, сейчас же, в очередной раз, стало горько: изгой, проклятый человек...

Мужчина черной тенью проскользнул в туннель и шагнул

в коридор Административного сектора.

Это было, пожалуй, единственное место во всем метро, где бы Алекс хотел оказаться в самую последнюю очередь. Слишком много боли, слишком много воспоминаний, эту боль вызывавших. После полутени на платформе и темноты туннеля свет в помещении был ослепительным. Закружилась голова, Алекс зажмурился, прислонился к стене. Потихоньку, осторожно открыл глаза...

Тьма оглушила практически сразу, в висках застучали молоточки, а сердце зашло в бешеном ритме...

*Свет в коридоре притушен, у входа в кабинет Рата на корточках сидит человек. Он что-то делает с лежащим на полу телом. Потом резко встает, берет рюкзак и быстро уходит...*

Больно, как же больно... Голова раскалывается, сил больше нет терпеть. Алекс сжал виски и медленно сполз по стене...

Боль ушла также резко, как и накатила. Яркий, режущий свет, лицо Координатора. Кажется, тот бьет его по щекам...

– Все, хватит, да хватит же! – Алекс оттолкнул руки.

– Ну ты и напугал! Как, видел?

Алекс и сам был удивлен: никогда еще видения не вызывали у него столь сильную боль. Ну, кроме разве что того самого первого раза.

– Бумагу!

Карандаш забегал по листу, словно повинуюсь какой-то неведомой силе, абсолютно не зависимой ни от Алекса, ни от его желаний. Линия за линией, черта за чертой, пара минут – и портрет готов. Устало протянул рисунок Координатору:

– Все.

– Найти! – Координатор передал листок одному из бойцов, потом, обращаясь к Рату, отметил: – Чужак, значит, на станции, скоро приведут. И, повернувшись в сторону Грина, добавил. – Свободен!

Алекс презрительно посмотрел на него:

– А вот давай я сам решу, что мне делать и когда свободным быть?! – не хватало еще, чтоб это ничтожество, Координатор, указывал ему, что и как делать!

Мужчина устроился в сторонке, достал бумагу, карандаш. Удивительно, но способности к рисованию открылись у него вместе с появлением этого странного дара. Рисовал он с удовольствием, забывая в это время обо всех своих проблемах и бедах. Рат, зная об этой страсти Грина, включил в их договор соответствующий пункт и бесперебойно снабжал Алекса и бумагой, и карандашами. Правда, ему редко приходилось рисовать с натуры: люди, увидев его за работой, старались скрыться. Алекса и так боялись, а это занятие явно не добавляло ему популярности. А сегодня – такая возможность! Скажите, когда еще он увидит Рата в таком состоянии? Пожалуй, с него он и начнет. А потом на стенку повесит и будет любоваться.

Алекс внимательно посмотрел на своего учителя: да, сдал он резко. Но сочувствия к нему не было. Говорят, Бог наказывает родителей через детей. Вот и наказал. Но девочку жалко. Хорошая была, красавица. Она и сейчас красивая. Поза – как у спящей, ничего неестественного, волосы разметались... Если бы не эти багровые синяки на шее и на предплечье... Да... Вот Координатор – скотина неменьшая, и сыночек Марк ему под стать. А судьба выбрала Лору... Алекс внимательно посмотрел на парня: хм, плачет. Почему-то стало его жалко. Кажется, они с Лорой дружили? Может, и не такой Марик пропащий, как его отец?

Координатор... Сидит рядом с Марком, обнял парня за плечи, что-то шепчет ему, успокаивает, наверное. Стоп! Может, Алексу показалось? Координатор, глядя в сторону Рата, улыбается? Слегка так, краешками губ? А ведь точно, улыбался: сейчас вот перехватил взгляд Алекса и стушевался. Надо же, ну и скотина! Чему радуется-то?!

Взгляд упал на Председателя. Еще одно чудо-юдо. Алекс не понимал, зачем Рат держит его подле себя? Ведь ни для кого не секрет, что эта пародия на человека никакой не правитель. Так, ширма. Обрюзгший, вечно под кайфом, он и на людях-то появляется раз в год по обещанию. Как, интересно, сейчас-то удалось выгнать его из своей берлоги?

Единственное светлое пятнышко тут – Кристи. Алексу всегда нравилось смотреть, как она работает. Хотя тоже иногда смешно: нельзя же настолько серьезно относиться к сво-

им обязанностям, когда следователь все равно ничего не решает. Как скажет он, Алекс Грин, так и будет. А он никогда не ошибается. Зачем же вся эта суета?

От размышлений отвлек Мамба.

– Всем доброе утро! Привет, художник! Дай-ка, гляну? Слушай, прими заказ на портрет, а то вдруг внуки белыми родятся и не поверят, что дед был самый настоящий негр из далекой Африки!

– Ты детей роди сначала, африканец!

– Вот я и говорю: внуки родятся, а дед не доживет, – Мамба подошел к Лоре, вздохнул. – Крис, писать готова? Диктую...

Мамба, а «в миру» просто Димка Галанин – чистокровный русский (или российский?) негр, черный и кудрявый при абсолютно белых родителях. Говорит, что в деда пошел. Что ж, наверное, бывает и такое. Алекс невольно улыбнулся: Мамба от мифического деда унаследовал не только внешность, но и легкость походки и какую-то звериную грацию. Черный, а в его присутствии становится светлее. Хороший человек.

Заметив, что Кристи осуждающе посмотрела на него, Алекс сделал вид, что уронил на пол карандаш и занят его поисками...

Впрочем, найти его он не успел.

Дверь открылась, охранники втащили в коридор человека.

– Вот он...

Резкая боль – как обухом по голове.

*Темно и холодно. Под порывами ветра мечется дверь в сторожку. Неизвестный тащит за ноги человека. Тот мертв...*

В чувство Алекса привели крики:

– Рат, прекрати, Рат! Ты же убьешь его!

Алекс открыл глаза. Двое, Мамба и Координатор, с трудом оттащивали хрипящего Рата от незнакомца. Тот даже не сопротивлялся, не пытался прикрыть руками окровавленное лицо.

– Рат, Рат, хватит! Да хватит же! – Алекс силой развернул мужчину к себе, встряхнул. – Все, достаточно!

Рат тяжело дышал, но приступ бешенства уже отступил:

– Че лезешь?!

– У нас еще труп. Мазай.

Незнакомец в отчаянии застонал.

Алекс кивнул в его сторону:

– Он убил.

# Глава 3

## ПРЕЗУМПЦИЯ ВИНОВНОСТИ

*Но слово «невиновен» – не значит «непричастен»,  
Так на Руси ведется уже с давних пор  
В. Высоцкий*

*10 ноября, после полуночи. Станция Гражданский проспект.*

К себе Кристи вернулась уже за полночь, уставшая и злая. Ноги гудели, а глаза слипались сами собой. В изнеможении упала на постель, подумала, что не плохо бы и поплакать, снять напряжение, может, и полегче станет, но тут же четко осознала: нет, сил не хватит и на это. В этот момент желудок совсем некстати напомнил, что с утра там погостили лишь вода да пара сухарей. И замерзла она жутко, не хватало еще и простудиться. В общем, все нормально, поэтому – спать!

Стащила надоевшие ботинки, куртку. Хотела было раздеться совсем, но желудок опять предательски заурчал. Вот зараза какая! По себе Кристи знала – если голодная, то уснуть будет проблематично. Про нормальную еду, конечно, и думать нечего, вряд ли сейчас что можно раздобыть – кипяток в бойлере, и тот только к утру будет. Но хоть корочку какую, червячка заморить: у ночного дежурного по кухне на-

верняка найдется чего-нибудь. Может, поделится? Хотя, это кто еще дежурит... Если Нинка Макарычева, то не только пошлет куда подальше, но потом еще и всем жаловаться будет, что не дали выспаться, разбудили раньше положенного. Но попытка – не пытка? Макарычева, вроде как, позавчера отдежурила? И помыться бы совсем не мешало, смыть с себя не только грязь естественную, но и тот страх, тот негатив, которого сегодня она повидала в избытке. Кристи почти физически ощущала все это на своем теле, и это чувство было невыносимым. Женщина прикинула, хватит ли у нее на все это сил, и все-таки решила, что нет, помывку придется совместить с завтраком. Утром, все утром. Но как есть-то хочется... Что за жизнь такая?

И вот тут ее прорвало. Разом вспомнилось все: и мертвая Лора, и несчастный, раздавленный горем Рат, и изуродованный Мазай, и Кирька-скотина, угнавший дрезину: «Меня тут ждать никто не уполномочивал!»... Из-за него Кристи пришлось топтать обратно пешком – второй раз дрезину, конечно же, послать за ней не сочли нужным. А она не любила этот переход, там хоть и чисто все, но прямо посередке всегда тоска такая нападает, что жуть берет. Ничего ни с кем плохого не случилось, но про тоску почему-то все отмечали. И идти по шпалам в темноте – то еще удовольствие: ощущения – как у глиста в кишке. Да еще и споткнулась пару раз, фонарик чуть не разбила, коленку вот ушибла, саднит. И вообще замерзла она. И ноготь сломала. И...

Что там, после этого «и», – уже неважно, всего перечисленного вполне хватило, чтоб в носу защипало, а слезы полились ручьем. Прорвало. Но и ладно, уснет быстрее...

В этот момент в дверь постучали. Кристи быстренько вытерла глаза и нос: ну вот, даже пореветь в свое удовольствие не дали.

– Крис, можно? – дверь приоткрылась.

Алекс. Саша... Мысли лихорадочно заметались: в кои-то веки, а она носом хлюпает. И еще Кристи абсолютно не знала не только как себя с ним вести, но и что говорить!

– Угу, так зашел же уже... Чего спрашивать-то? – от волнения голос сорвался, она откровенно «дала петуха».

Попыталась улыбнуться, но вместо этого неожиданно для себя чихнула. И сразу успокоилась.

– Извини...

– Ничего, будь здорова.

– Угу. Табуретка под столом, выдвигай, садись. Сейчас свечку зажгу, а то споткнешься еще, тут ботинки, осторожнее, – наклонилась, засунула обувь под топчан. – Только не выдавай. Координатор бурчать будет, а мне без свечки никак.

– О чем речь? Я и Координатор – вещи несовместимые.

Алекс улыбнулся: Кристи заговорила с ним так, будто продолжила прерванный вчера разговор. И это ему очень понравилось.

Света вполне хватило, чтоб рассмотреть нехитрое убран-

ство комнаты: к топчану, на котором сейчас сидела хозяйка, прилагались стол и шкафчик на стене – вот и все убранство. Ее гордость – старинный инкрустированный сундук, в котором женщина хранила все свое богатство, Алекс видеть не мог: Кристи задвинула его под топчан. Сундук она выменяла на настоящую кровать, и теперь спала на досках. Немного неудобно – верх приходилось поднимать, доставая вещи, но зато они всегда прибраны. И жалко, конечно, что не видит никто этой красоты: мало места. Хотя ей одной вполне хватает. Кристи заметила, что Алекс с любопытством вертит головой, отодвинулась подальше от света: не хватало еще, чтоб заметил ее опухшие глаза.

Мужчина, между тем, словно что-то вспомнил.

– Да, вот. Я тебе тут поесть принес. Голодная весь день, я же знаю, – он поставил на стол маленькую кастрюльку. – Поешь, теплое, я одеялом закутывал.

Кристи ошарашенно переводила взгляд с Алекса на кастрюлю и обратно:

– Это мне? – глупейший вопрос, но что-то же говорить надо. – Спасибо!

Слезы опять полились, сами собой. Господи, да о ней тыщу лет так никто не заботился!

Только в детстве, пожалуй...

Алекс растерялся. Когда он вдруг обнаружил, что Кристи так и не вернулась домой до самого вечера, то, к стыду своему, даже обрадовался: повод зайти просто так, «на огонек», нарисовался сам собой – наверняка же придет голодной. И наверняка будет ему благодарна. А тут вдруг эти неожиданные слезы... И как ему теперь себя вести? Попытался успокоить? Но как воспримет это Кристи? Алекс запаниковал: он слишком хорошо помнил, как когда-то, еще в прошлой жизни, принес жене цветы. Просто так, захотелось вдруг сделать ей что-то приятное. А она, увидев протянутый букет, неожиданно разрыдалась. И все попытки успокоить ее встречала в штыки.

– Ты ничего не понимаешь! Тебе важнее твои дела, а на меня совершенно наплевать. Что у меня, как у меня? Тебе все равно!

Уже потом, проревевшись и придя в себя, Маша все рассказала ему. Это было лишь началом того кошмара, который привел-таки к их разрыву. Много позже выяснилось, кто за всем этим стоял: Феликс Ратников. Рат...

Дежавю...

Опять неожиданные слезы, опять он не знает, как реагировать, и опять рядом Рат...

– Крис, ты чего?

Вместо ответа – рыдания. С женой было проще: за два года совместной жизни он изучил ее, знал, как ее уговорить. А тут... Кристи он знает двадцать лет. И не знает, оказывается, совсем. Нет, можно, конечно, попытаться... Но лучше не рисковать, а то еще беды не оберешься. Пожалуй, надо ретироваться.

– Я пойду тогда, ладно? А ты поешь, пока теплое...

Кристи послушно открыла крышку. На всю крохотную комнатку потянуло грибным духом. Женщина пару раз хлопнула носом, слезы потекли с новой силой, но рыдания прекратились.

– Тушеные грибы... И, кажись, с луком...

Алекс удивленно посмотрел на нее: нашла, чему восхищаться. Уж чем-чем, а грибами-то всех их закармлили по самые уши. И тушеными, и вареными, и жареными. Глаза бы на них не глядели...

Наверное, Кристи заметила его изумление.

– Ты «Властелина Колец» читал?

– Кино смотрел.

– Не, кино – туфта! – получилось «фуфта»: Кристи как раз засунула в рот очередную порцию ароматного варева. – Книжка лучше. Интереснее.

– Да ничего вроде, мне нравилось. Ты ешь, не болтай, еще подавишься, – Кристи в этот момент чем-то напомнила ему Оленьку, дочку двоюродной сестры. Та тоже всегда болтала, когда жевала, и тоже смешно путала буквы.

– Ем, я, ем. Спасибо, – высохшие было слезы, полились вновь, но она сдержалась. – Не, я не любила его. Не понравилось. В книге интереснее все. Так вот, там один из хоббитов грибы любил и воровать ходил. А потом они всей компашкой, после жути той с этими всадниками, попали в дом, где их тушеными грибами накормили. В фильме нету этого. А я, когда читала это, голодная как раз была. И потом пошла, купила шампиньонов да и натушила их. С тех пор люблю очень.

– Хоббитов-то наверняка не шампиньонами кормили.

– А! На безрыбье и рак – рыба! Вкуснотища. Ой, а давай со мной? У меня еще ложка есть, – Кристи было полезла рукой в шкафчик. – А то, смотри, я ведь все одна слопаю...

– Да ты чего? Мне эти грибы – как Верещагину черная икра. Да и не голодный я. А ты ешь. Я пойду?

Кристи отставила кастрюльку в сторону. Ну вот, своими слезами она умудрилась обидеть человека...

– Саш, не уходи, а? И прости меня, дуру. Это нервы все, устала сегодня. Да и есть хотелось... Это я от благодарности ревела, чес-чес!

Ну вот, женщины, оказывается, еще и из-за благодарности плачут...

– «Прости меня, Васенька, дуру грешную!»? Помнишь?

– «Мама, на прошлом допросе вы показали, что нас двое титьку просили!», – Кристи засмеялась. – «Ширли-мырли!»! «И зачем мне эти Канары? Я белье замочила»... Шикарный

фильм! Не отказалась бы посмотреть еще...

– Ага, мы с Машкой тоже любили его. Воды принести?

– Не, не надо. Кипятка все равно нет, а холодной не хочется. И так вымерзла вся: в сторожке ледник. Представляешь, даже вода в ведре сверху замерзла! Да потом еще пешком по туннелю обратно добиралась.

– Что, неужели Рат дрезину зажал?

– Координатор. Кирюха сказал, что он ждать не велел. Я потом звонила оттуда, из сторожки, мне сначала обещали, но так и не прислали. Вроде как из-за одного человека гонять... Я ждала еще, так-то бы, конечно, раньше ушла. А что труп там остался, это никого не волнует. Если с утра его не привезут – порву всех, как Тузик грелку.

– Так ты что, одна там была?! И не страшно?

– Ну так чего бояться-то? Да я и одна неплохо справилась. А Мамба не поехал: раз ножевые, то, вроде как, все для него ясно. Только какое там ясно? Похоже, что били его в начале-то... Саш, ты этого, Векса, так кажется его, помнишь?

– И что?

– Да там кровищи прорва, а он – чистый.

– В сторожке? Так и что? Аккуратный просто, или вытерся.

– Да ты что? Там ее столько... Не, точно, хоть чуть-чуть, но осталось бы. Хоть на одежде, хоть на ботинках. Я вот в холод была, и времени сколько прошло, а башмаки в крови все равно попачкала. А если бы свежая была?

– Я что-то не пойму, куда ты клонишь? – Алекс лукавил,

все-то он прекрасно понимал: девочка решила в сыщика поиграть. Нашлась тоже, Агата Кристи! Это и злило его, и забавляло одновременно.

Но Кристи даже не заметила его недовольного тона: на самом деле все то, что она сейчас высказывала Алексу, не давало ей покоя с самого начала, и она была рада, что хоть с кем-то может это обсудить. О том, как к этим ее домыслам может отнестись Алекс, она даже и не подумала.

– Знаешь, не вяжется одно к другому. Проще говоря – мотив где? Что такого сделал сторож Вексу, если он выбил ему зубы, сломал нос, а потом еще и истыкал всего ножом?! После чего пошел и ни с того, ни с сего придушил девушку. Да еще раздел ее, а одежду припрятал, да так, что не нашли. Это на незнакомой-то станции!

– Маньяк. А станции все равно одна на другую похожи.

– Угу. Может, и маньяк, конечно. Только странный – Мазай его раза в полтора крупнее. И уж всяко – не слабее. Ты таких маньяков видел, которые на мужиков нападают? Да еще и на таких, которые их одним пальцем в порошок сотрут?!

– Я вообще никаких не видел. А Векс впечатление беспомощного младенца тоже не производит, знаешь ли!

Все-таки она его разозлила! «Какого черта? Какого черта она мне все это втирает?! Да какая разница, что сделал этому уроду Мазай! И что взбрело ему в голову, когда он увидел Лору! Я *видел* его! И этого достаточно!» – Алекс, казалось, уже забыл, что совсем недавно ради этой женщины готов был

горы свернуть. Сейчас он рвал и метал.

Кристи наконец-то заметила его состояние и испугалась: «Дура-дура, какая же я идиотка! Ведь даже мечтать не могла, что он вот так возьмет и придет. А наговорила черт знает чего! Обидела... Какое ему дело до моих умозаключений? Я ведь его, получается, обвинила в оговоре? В том, что он на самом-то деле ничего не значит? Но это же не так! Я же не виновата, что не вяжется тут одно к другому, я хочу только разобраться!».

Не совсем отдавая себе отчета, не понимая, зачем она это делает (а, семь бед – один ответ!), Кристи произнесла:

– Ответь мне на один вопрос.

– Спрашивай, – буркнул Алекс. Разговор уже тяготил его.

– Скажи, ты точно уверен, что Векс убийца?

– А ты – нет?! – Грин встал, намереваясь уйти.

– Бежишь? – Кристи устало усмехнулась, она все сама испортила, воистину: язык мой – враг мой.

– Тебе пора спать. Завтра тяжелый день.

Сказал – как отрезал.

– Бежишь...

– Ты грибы-то доешь. И ложись! – Алекс улыбнулся, пытаясь загладить невольную грубость. В конце концов, судьба этого подонка – не повод для ссоры. – На самом деле поздно уже. И я устал сегодня тоже...

От табуретки до двери – пара шагов.

– Ч-черт! Ты чего вещи-то свои разбрасываешь, где попа-

ло? Так и шею свернуть недолго. На, убери, – Алекс нагнулся и поднял с пола какой-то предмет.

Боль резанула...

*Бетонные стены туннеля, кабель, длинный кабель по стене. Если держаться за него, то идти легче. Холодно, зуб на зуб не попадает. Хорошо, что он знает туннели, охране его не найти, не догнать. А если заблудится и не выберется отсюда? Сдохнет. Ну и что? Пусть и сдохнет, но свободным! А может, и повезет? Не-не, он выберется, обязан! Он должен еще разобраться, кто его упек туда, и почему он должен отвечать за чужие грехи?..*

– Саша, Саша, да очнись ты! – Кристи хлопает его по щекам. – Что, плохо? Может, Мамбу позвать?

– Нет, не надо, прошло все. Подожди, ты это где взяла? – мужчина протянул ей нечто, похожее на башмак, сделанный из коры дерева.

– В сторожке, на растопке лежало, у печурки. Выпал из сумки, надо же, а ты об него чуть шею не свернул.

– А взяла зачем?

– Да не знаю. Предмет странный! Лежит у печки, на дровах, на обувь похоже. Вопрос: а чья? И как попала туда? Вот и взяла, на всякий пожарный.

– Точно, угадала. Обувь это, чуня называется. Дело годичной давности помнишь? Парень девчонку задушил в тунне-

ле к Академической?

– Такое забудешь... Он тогда так орал, что не виноват и что еще разберется, что и почему!

«Так он и не виноват!» – подумал Алекс, но вслух произнес:

– Сбежал он. Это его чуня.

– Так что же, получается, он был у Мазая? Так это значит...

– Ничего это не значит. Все, давай спать. Утро вечера мудренее. Завтра договорим. Пока!

– Спокойной ночи...

Интересное кино! Но Алекс прав: она подумает об этом завтра. А сейчас – спать!

Перед тем как погасить свечку, Кристи сняла трубу с телефона. В конце концов, она имеет право выспаться...

## Глава 4

# «ПО ВОЛНАМ МОЕЙ ПАМЯТИ...»

*Вы можете запереть двери. Вы можете закрыть окна.*

*Но сможете ли вы пережить эту ночь?  
К/ф «Сонная лощина»*

*10 ноября. После полуночи и до утра. Станция Гражданский проспект*

Алекс брел по платформе. Ночь, никого, пусто. Можно сколько хочешь гулять по узкой полоске посередине между жильем и торговыми палатками. Полоска эта имела официальное название – «Проспект Надежды», но оно как-то не прижилось, и между собой обитатели «Гражданки» называли «главную улицу» по старинке, Невским.

Утром станция проснется, и тут вновь закипит привычная жизнь: забегают дети, запахнет едой, народ потянется на кухню, в хозблок, на работы... Потом опять все утихнет до вечера. Днем тут, разве что, парочка совсем уж немощных стариков, что не годны ни для каких работ, выползут из своих нор пообщаться. Да еще мамочки с грудничками выйдут «погулять на улицу». Ну, неутомонные дошколята еще – от

этих, если разойдутся, только треск стоит. Вечером... Вечером станция оживала вновь. Вот Эдик Ладыженко, если настроение есть, конечно, вытаскивает свой аккордеон и начинает тихонько наигрывать. Как бы для себя, но грустная мелодия проникает в самые дальние уголки станции. Кому-то это нравится, и они готовы слушать это, а кто-то раздраженно бурчит: опять тоску наводит! Вот умаявшиеся за день женщины собираются «на лавочке» посплетничать – как без этого? Влюбленные парочки, шумные подростки... И так – до девяти, когда тушат половину ламп. Это напоминание: вечер заканчивается, скоро огни погасят совсем, и на Невском опять воцарится тишина.

Тогда наступит его, Алекса, время. Днем, а особенно вечером, он старался не появляться на платформе: его чурались, отворачивались при встрече, а потом разглядывали исподтишка, или того хуже – шептались вслед. Пожалуй, так относились только к жителям Мурино, к мутантам. Правда, муринцам не досталось той ненависти, что достается ему. При всем том, что некоторые готовы тратить огромные средства на его содержание. Эх, люди, люди... Хотя, за что их судить? Разве можно по-иному относиться к человеку, который в этом мире имеет все, что пожелает? Если исполняется любое его желание касаясь еды, одежды, удовольствий. Все самое лучшее. Любой каприз. Остальные работают, из кожи вон лезут, чтоб обеспечить достойное существование себе и остальным, а он получает все «безвозмездно, то есть

даром»? Не ударив для этого палец о палец. По людским меркам он неплохо устроился, и просто обязан быть счастливым. Если бы они узнали, что это не так, то возненавидели бы Грина еще больше. Да, у него есть все. Но никому невдомек, что Алекс лишен того единственного, что на самом деле имеет значение и что есть практически у каждого из них – свободы. Свободы передвижения. Свободы любить, кого любит. Свободы распоряжаться своей жизнью. Но пока он, Алекс Грин, распоряжается их жизнями. Их счастье, благополучие их семей в его руках. Стоит только захотеть... И они знают это.

Только вот не захочет он никогда.

Алекс сел на ступеньки трибуны, что устроил для себя Рат (хлебом не корми, дай перед народом покрасоваться). К себе идти не хотелось. Душно-то как! С остервенением рванул ворот свитера...

Нет, такого не может быть! Он, Алекс Грин, не ошибается никогда! Он просто не может ошибиться! Или все-таки может? Ведь сейчас-то он точно знает – тогда, год назад, он показал на невиновного... Откуда пришло к нему это знание? Чуня... Вещь, которая принадлежала беглецу. Человек может лгать другим, но не себе, не в этом случае, по крайней мере. Брошенная беглецом обувь рассказала Алексу больше, чем, наверное, смог бы рассказать сам беглец: она впитала в себя все его отчаяние, недоумение, злость, а потом выплеснула все это на Алекса.

Но как же так? Он же точно видел этого парня там, у трупа. Все было как обычно, но... Он ошибся! Судьба посмеялась над ним, жестоко посмеялась... Что ни говори, а за столько лет сложно не уверовать в собственную непогрешимость! Алекс Всемогущий! Господь Бог местного разлива!

– Ч-черт!.. – Алекс не удержался, выругался вслух.

Ведь что получается-то? Если ошибся один раз, где гарантия, что не ошибется и второй? Так, может, Кристи и права? Ч-черт!!! Одно дело – знать, что на «Дачу» отправляются по заслугам, и совсем другое: понимать, что твоими стараниями там оказываются те, кто этого ну никак не заслужил! Такого он себе позволить не может. Больше не может. Хватит с него! Пусть он пропащий человек, но не убийца!

Алексу вдруг стало холодно, захотелось забраться под одеяло и просто уснуть.

Дома он нарочито медленно, стараясь сосредоточиться на процессе и отвлечься от тяжелых мыслей, разделся, лег. Но одеяло не спасло от озноба: наверное, это уже просто нервы. В голове промелькнула неожиданная мысль, но тут же исчезла, и вспомнить, про что она, Алекс уже не смог. Что-то не так. Но что? Ответ, кажется, вот он, рядом... Но это только кажется. Ладно! Пусть так. Ясно одно – он должен с этим разобраться. Дело чести. А теперь – спать!

Но сон не шел. Алекс попытался считать слонов, потом – от десяти до нуля и обратно... Не помогало ничего. Оставалось единственное, проверенное средство – вискарь. Заодно

и согреться. Достал драгоценную бутылку: «Ну, будем здоровы, бояре»...

\* \* \*

– Машка-а! Жена, – а я дома! И на завтра отпросился. Поедем в Петергоф, а? Позвоним твоему начальнику...

Последнее время все у них идет наперекосяк. Казалось, что тут такого – проблемы на работе? Другие семьи они сплачивают, а вот у них... У них все наоборот. Когда все это началось, Маша стала отдаляться, замыкаться в себе. Сколько раз Саша просил ее отвлечься или хотя бы рассказать, что конкретно там случилось, но она только отмахивалась. Он обижался: почему муж не имеет право знать, что такого там произошло? Проблемы – вот весь ответ. Судя по ее виду и поведению – проблемыщи!

– Что, совсем худо?

– Совсем. Поедем завтра в Петергоф. И звонить никому не надо, меня пока в отпуск отправили.

– Может, расскажешь, что случилось-то? Хватит в себе держать.

– Потом. Ужинать давай.

Наутро был дождь, и о Петергофе можно было бы забыть. Но жена неожиданно для него заупрямилась и настояла: поедут. Не сахарные, не растают... Это была их последняя совместная поездка. И как же им было хорошо! Промокли, за-

мерзли, но были безмерно счастливы. А по дороге домой купили бутылку виски. Водку Машка не переносила, коньяк – тоже не очень, а согреться-то надо? На вкус напитков показался ей той же водкой – фи, мерзость! – но она пила его, добавляла в горячий чай. И быстро напилась, смеялась и плакала... А потом вдруг, в одночасье, протрезвела и рассказала ему все.

Как ни странно это было, но Саша воспринял новость почти с радостью. Только страх быть не понятым женой остановил его от того, чтоб высказать это ей напрямую. Сам же он ничего страшного не увидел: ну, подумаешь, уволят! Будет сидеть дома, ребенка заведут, в конце-то концов. Он зарабатывает достаточно, и на двоих, и на троих хватит. Да и кому она нужна, такая работа?! Ни выходных, ни проходных, сутки эти гребаные, после которых, поспав пару часов, опять бежать на работу...

– Машк, а давай ты расстраиваться не будешь, а? Дома посидишь, ребеночка заведем?

– Саш, ты дурак или ничего не понял?! Я не дома могу посидеть, а очень даже в Крестах!!! Ты что думаешь, пропажа арестантского дела вместе с вещдоком – это шуточки?

– Я действительно в этих ваших делах понимаю мало. Но если порассуждать, то кому охота подставляться? Не, начальнику проще тебя втихую уволить, без скандала.

– Не получится без скандала, Саш, дело арестантское – это одно. Плохо, конечно, но восстановить все равно можно.

Наркота пропала. И тут я по уши виноватая – не сдала вовремя на хранение. Так что статью я уже заслужила...

Обухом по голове. Да уж, влипла ты, Мария Павловна... Вслух он, однако, сказал:

– От суммы да от тюрьмы... Машк, я тебе, честно, самые свежие сухари носить буду!

Но жена попытки разрядить атмосферу не оценила. Это была их первая серьезная ссора...

\* \* \*

Грин с удивлением смотрел на бутылку: «Ого! Да ты Александр Иваныч, оказывается, алкач!». Сам того не замечая, он выпил почти половину. Просто так, без закуси. Точно, алкач. Вот бы Рат порадовался: сколько раз сподить-то его пытался... Надо хоть водичкой запить да убрать бутылку подальше. Для другого случая. И спатеньки...

Алекс огляделся: куда бы засунуть? Как назло, куда ни сунься – все под рукой! А, ладно, в шкаф. Вниз, в самый угол, чтоб лениво было наклоняться лишний раз...

\* \* \*

– Я провожу тебя сегодня. Можно?

– Угу. Саш, я боюсь...

Вообще-то отпуск Маша еще не отгуляла, отозвали. Оба понимали: ничего хорошего это не предвещает. Но, с другой стороны, все к одному концу! Скорей бы уж...

Вместе они дошли до дверей райотдела; оба были на взводе, поэтому дорогой почти не разговаривали.

– Ну, все. Я позвоню.

– Маш, я так не могу. Я тут тебя дождусь.

– Тогда лучше в кабинете.

– Не прогонят?

– Нет, нормально, у нас не пропускной режим. Пошли.

– «Ну вот, я и в Хопре!» Сорри, в мусар..., опять не то, в полицейском участке, вот!

– Гринев, перестань ерничать! Люди же слышат.

– Мань, это нервы, прости. И ты такая грустная, мне ж хоть чуток развеселить тебя охота.

– Угу.

– Маш, а что за амбре такое? – он поморщился. – Как вы все это выносите?

– Это из-за дежурки, сюда же кого только не таскают – и пьянчуг, и бомжей.

– Хоть бы проветривали!

– Не помогает. Да это еще ничего, бывает и хуже.

Пока шли коридорами, Саша с любопытством крутил головой: вот уж действительно, сколько раз не говори «халва», во рту слаще не будет. Ну стали теперь полицией. А здание как было мусарней, так и осталось. Хоть бы подремонтиро-

вали...

– Вот тут я сижу, – жена усмехнулась нечаянному каламбуру, – пока.

– Да, такую дверь с полпинка вышибить можно!

– Глупостей не говори. Мой стол у окна, а я к начальнику, он тут уже.

– А если зарестуют? Возьмут с поличным? Сосед твой по кабинету? Увидит и зарестует? И звездочку себе заработает!

– Саш, ты опять? Звездочки у нас за такое не дают. А потом у меня соседка, но ее не будет. Все! Я ушла.

Саша шагнул в кабинет.

Голову сдавило точно железным обручем, он понял, что падает. Как в тумане Саша услышал крик жены, успел подумать: «Испугалась»...

*Тот же кабинет, только полумрак. Вечер, поздний. В кабинете мужчина, один. Как же так? Мама говорила, что у нее соседка? Мужчина стоит у раскрытого сейфа, роется там. Вот, нашел. Аккуратно вынул, положил в черную кожаную папку. Что-то достаточно увесистое, в корочках. Уголовное дело! Неизвестный хочет уже закрыть сейф, но вместо этого опять лезет внутрь. Секунда – и он вытаскивает оттуда конверт. Мужчина читает, что написано на нем, потом удовлетворенно кивает головой, и конверт присоединяется к делу...*

– Саша, Сашенька...

Машка, плачет, гладит его по голове. Любимая... Кто-то сует под нос ватку. Фу, нашатырь!

– Не надо, прошло все, – он отстраняет руку, поднимает глаза.

– А, вы... – осекся. Черт, чуть не ляпнул. Надо выходить из положения. – Вы – Машин начальник?

– Нет. Встать помочь? – мужчина протянул руку, – Испачкался, щетку надо? А то принесу?

Когда мужчина закрыл за собой дверь, Саша тихонько спросил:

– Маш, кто это?

– Ратников, начальник розыска. А что шепотом-то?

Саша присвистнул: значит, Машку подставил Ратников? Вот это дела в Датском королевстве...

\* \* \*

Открыв глаза, Алекс не сразу сообразил, где находится. А когда все понял, в сердцах чертыхнулся:

– Да кончится это сегодня или нет?!

Голова болела. Сколько раз сегодня у него были видения? Пять вроде? Не перебор? Наверное, он сходит с ума. Так, может, и к лучшему? Никаких забот тебе, никаких проблем. Будет спокойно жить в своем мире, с Машей, с Кристи... С Ратом. Нет, Рата, пожалуй, он с собой не возьмет. Это его

женщины, и делиться он ни с кем не будет! Тем более – с Ратом.

Господи, что за бред?! Да ты, батенька, пьян... Или уже сошел с ума?

Алекс подошел к умывальнику и с наслаждением стал плескать ледяную воду себе в лицо. Уф... Вроде, отпустило. Надо же такому привидеться! Что на него нашло? Это все Крыська, точно... Она сподвигла. За все эти двадцать лет он ни разу не изменял жене (или памяти о ней?), случайные связи – не в счет, тут чистая физиология. А вот сегодня готов был. И с удовольствием. Дурак! Чего испугался?

«Эх, девоньки-девоньки, пинкертонши хреновы, что ж мне так-то на вас везет?». Сам он за жизнь ни одной детективной книжки не прочитал, а вот обе его женщины – вроде как детективы.

Усмехнулся: «Собственник! Ты сначала у Крыськи спроси разрешения, а потом записывай ее в “свои женщины”!». Хотя почему-то Алекс был уверен: она бы не отказалась. «Его женщины», – а хорошо звучит-то! Хотя Маша, наверное, давно уже не его...

Интересно, кстати, а были ли они знакомы? Вообще-то, не похоже, Крис бы сказала. Но, с другой стороны, вполне могли бы.

Машка, где ты? Жива ли? Если что, пусть бы хоть смерть легкой была... Все эти годы он запрещал себе думать о своей «бывшей» как о мертвой. Для него Маша все равно всегда

живая будет. И, почему, кстати, «бывшая»? Развестись-то они так и не успели...

«Машка, Машенька, хорошая моя», – как же он тогда обиделся-то на нее, дурень. А за что, спрашивается? За то, что не оценила его жертвы? Так и не приняла его – такого... Не простила, что стал работать с Ратом. Самовлюбленный индюк ты, Гринев! Даже не попытался вернуть ее тогда...

\* \* \*

– Знаешь, а не пошел бы ты!..

– Ты не ори громко-то, а то я ведь пойду!

Со стороны они оба, и Гринев, и Ратников, были похожи на двух петухов, готовых рвать друг друга до последнего.

– Да вали! А я подмогну, пинком под задницу!

– Нет, ты сначала меня послушай! Если уйду, кому лучше будет?! Ведь даже если не поверят, даже если в дурку меня упекут, тебе-то тоже – кранты!

Эх, блефуешь, Сашенька, блефуешь. Хоть и профан в этих делах, но понимаешь – ничего ему не кранты! Вывернется ведь... Но и отступить тоже нельзя.

Саша решительно уселся – не будет же Ратников его за шкуру выкидывать? Огласки он точно побоится.

– Никуда я не пойду. А ты, мразь, или выслушаешь меня, или... – что «или» он и сам не знал. К удивлению, на Феликса это возымело действие: он побледнел, на скулах заходили

желваки, а глаза стали белыми от ярости, но – сдержался, и сквозь зубы процедил:

– За мразь, ты, скотина, отдельно ответишь. Но пока говори.

– Вот и обменялись любезностями. А теперь – слушай. У меня есть к тебе предложение. Ты в курсе, что вчера материал на Машку в прокуратуру ушел?

– Ближе к телу!

Саша не обратил на реплику внимания.

– Мне надо только одно: пусть ее оставят в покое. Пусть уволят, но только, чтоб никакого дела. Как ты это сделаешь, меня не касается. А я...

– Что ты? Ты думаешь, я всесильный?!

Саша отметил про себя это «всесильный», усмехнулся – клиент готов, торг пошел!

– Не знаю. И знать не хочу, если честно. Но, думаю, тебя привлечет, как это там у вас... стопроцентная раскрываемость?

– С чего ты взял? Да по барабану мне все это! Я и так нарисую в отчете что захочу.

– И все-таки. Бумага – бумагой, а я в реале предлагаю.

– И как ты это сделаешь?

Вот это уже деловой разговор.

– А как я узнал, что ты дело-то спер? И как все это было?

– И как?

– Честно? Увидел. Помнишь, в обморок тогда грохнулся?

И не спрашивай подробности. Как работает, сказать все равно не смогу. Но работает, сам же убедился! Хочешь, проверим еще раз?

– Поехали!

\* \* \*

Хитрый Ратников повез его туда, где жулик был не только известен, но и дал признательные показания, подробно рассказав и даже показав, что и как делал. После того, как Саша практически слово в слово повторил его рассказ, а потом еще и нарисовал портрет, Рат был согласен на любые условия.

– Так, специфику нашей работы тебе знать не для чего. Но оформить кое-что придется. И чтоб не удивлялся, теперь ты у нас будешь числиться как... – Ратников задумался ровно на секунду. Или, может, это была театральная пауза? – Грин, Алекс Грин!..

Маша восприняла его поступок как сделку с дьяволом: душу продал! Был скандал, потом примирение. Потом Маше сказали, что дело спустили на тормозах, но уволиться ей все-таки придется... Нет, жена не обвинила его во всех своих бедах, глупо было бы. Но она не смирилась с его второй сущностью. С Алексом. Хотя он и не рассказал ей всех подробностей. В ход пошли психологи-психиатры, потом бабки-экстрасенсы... Саша встречаться отказывался. В чем-то

ведь жена была права: он действительно продал Рату свою душу.

Нельзя сказать, что новые способности, а особенно – сопутствующие каждому трансу неприятные, болезненные ощущения не беспокоили его. Но была и другая сторона. Саша (или уже Алекс?) вдруг осознал, какую власть он имеет над всеми. Ведь стоит только сказать слово! И это нравилось ему, это чувство возбуждало, пьянило. Он любил театральные эффекты: нравилось наблюдать за произведенным впечатлением. Завел себе черный кожаный плащ, шляпу с полями... Шпион Гадюкин... Все, что было с ним прежде, казалось теперь неважным, второстепенным, мелким. Настоящая жизнь – вот она, сейчас. Алекс придирчиво наблюдал за своим даром: как он меняется, в какую сторону развивается, можно ли контролировать видения, и как это сделать? Но как все это было объяснить Маше?

Он честно пытался, и не раз. Ответом были слезы и новые скандалы. Кошмар тянулся целый год. Потом был выкидыш, депрессия, больница. Выйдя оттуда, Маша к нему не вернулась. А через полтора месяца мир перестал существовать...

Интересно, а как бы повела себя на ее месте Кристи? Смогла бы она принять его? Поняла бы? Хотя... Странный вопрос, неуместный: ведь она уже приняла его. Таким, какой он есть. А может, просто выдумала его для себя? Как бы там ни было, но Крис никогда не знала Сашу Гринева. Только Алекса Грина, человека, которого все сторонятся, которого

откровенно не любят. И, тем не менее, она упорно называет его Сашей. Странно... Вот он пришел к ней сегодня, и они говорили, будто только вчера прервали начатый ранее разговор. А ведь за все предыдущие без малого двадцать лет они не сказали друг другу столько, сколько наговорили сейчас. И она не боится, не презирает его. Ей не противно было взять из его рук эту кастрюльку. Из рук палача. Да-да, палача, именно так! А кто же он, если не палач?.. Всегда был палачом!

Нет, так больше невозможно! «Допить, что ли, этот несчастный вискарь? Может, тогда я усну, наконец? – Алекс посмотрел на бутылку. – Ладно, живи. Не усну – пойду в душ. Он холодный, говорят, помогает...»

Но на сей раз он уснул, едва приняв горизонтальное положение.

# Глава 5

## ВЕКС ИЛИ ИГРЕК?

*Если бы это было так, это бы еще ничего. Если бы, конечно, оно так и было. Но так как это не так, так оно и не так. Такова логика вещей.*  
*Л. Кэрролл. «Алиса в Стране Чудес»*

*10 ноября. С 06.00 до 14.00. Станция Гражданский проспект*

Поспать Кристи не удалось. Виной тому – многолетняя привычка всегда просыпаться в одно и то же время. Вот и тут, стоило шуму с платформы проникнуть сквозь тонкую дверь, как женщина открыла глаза: организм, вернее, одна его часть, скомандовала: «Пора вставать!». Правда, вторая его часть тут же этому воспротивилась и даже одержала небольшую победу, но крепко уснуть все равно не удалось. Кристи в полудреме полежала еще немножко, подождала, пока народ разоидется, потом встала. Состояние было ужасное: впечатление такое, будто вчера по ней проехался каток. Впридачу болела голова, подташнивало, в горле противно першило, а из носа постоянно лилась водичка. И знобило. Разболелась-таки!

Работать не хотелось. Вообще ничего не хотелось, лечь бы

и лежать вот так, весь день. Жалеть себя она не стала, ну если только совсем чуточку, как же без этого-то? А вообще сама виновата – знала, куда едет, могла бы и потеплее одеться. Так что нечего нюни распускать! Подъем, никто тебя заменить все равно не сможет! И плакаться нечего – Мамба пропасть не даст, придумает что-нибудь. Только сначала душ: без завтрака, положим, она обойдется, есть не хочется совсем, но вот помыться надо обязательно. Подумав немножко, Кристи присоединила к банно-туалетным принадлежностям и свои рабочие записи: возвращаться к себе просто не было сил.

В утренние часы в душевой всегда было мало народа, а Кристи еще и пришла, когда большинство уже разошлось по рабочим местам. Хорошо, ждать никого не надо. Мысленно пропев «осанну» неизвестному проектировщику станции, предусмотревшему систему водоотведения, благодаря которой они не знали проблем с водой, и местным «академикам», решившим проблему с электроэнергией, она с удовольствием подставила тело под горячие струи. Душ – не баня, конечно, так, мазня. Но на безрыбье и рак – рыба. Другие, может, и такого не имеют... Блаженство!

Из душевой она вышла разомлевшая и с жутким желанием бросить все и просто отправиться спать. Возможно, другой на ее месте так бы и поступил, но Кристи слишком хорошо знала себя: ни уснуть, ни спокойно предаваться безделью она все равно не сможет. Так что сон откладывается: арбайтен! Запоздало подумала, что распаренная, а на станции

прохладно. Поэтому в столовку придется-таки зайти – там тепло, обсохнет, и тогда уж – к Мамбе.

\* \* \*

Доктора на месте не оказалось, и Кристи едва не заплакала, обнаружив это: она прекрасно знала, где тот сейчас находится, но тащиться на другой конец станции!..

– Теть Крысь, теть Крысь! Доброе утро! А можно к тебе вечером в гости?

Маринка, девчонка соседская. На вид ей – не больше десяти, маленькая, худенькая. Даже по нынешним, скудным на богатырей и красавиц временам, она казалась дурнушкой: к маленькому росту и неестественной – до прозрачности – худобе прилагались жиденькие светлые волосенки, белесые ресницы над светло-голубыми глазами, бледная, синюшного оттенка, кожа. Правда, по части своей внешности Маринка не расстраивалась, была бойкой не по годам и всю верховодила местными шалопаями, в том числе и мальчишками. Да и что ей, в ее-то возрасте? Вот через годок-другой, когда невеститься начнет... Хотя... Может, она, как тот Гадкий утенок, возьмет, да и превратится в Лебедя?

– Марин, что не в школе?

– А у меня горло заболело, мамка идти не велела.

Школу Маринка не любила – ну не шла у нее учеба!

– Прогульщица... Ладно, доктора нашего нет сейчас, так

что тебе за ним бежать. Знаешь, куда?

Девочка засмеялась: кто же этого не знает? Все свободное время Мамба проводил в стационарном детском саду: детей он обожал, и они платили ему той же монетой. Поэтому многие поначалу удивлялись, что доктор жил одиноко, без семьи, хотя на отсутствие претенденток на его руку и сердце пожаловаться Димка бы не мог. Причину, по которой Мамба так и остался холостяком, никто на станции, да, пожалуй, и за ее пределами, не знал. Сам он на эту тему не распространялся, в ответ на вопросы – отшучивался. Правду мог знать только Рат: закон, гласивший, что неженатых мужчин в Конфедерации быть не должно, на доктора, как бы, не распространялся. А это могло быть только с согласия всесильного владыки.

Мамба вернулся один, без Маринки.

– Привет, узнать пришла?

– А эта где? Больная?

– Она такая же больная, как я – белый человек. Прогульщица и притворщица!

– Злой ты, – Кристи улыбнулась, показывая, что шутит.

– Не злой, а справедливый! Что из нее вырастет, если с детства врать научится?

– Не ту специальность ты выбрал.

– Крис, ты меня обижаешь. Я что, плохой доктор? А мед – это судьба: и мамка с папкой, и бабуля, царствие им небесное, были врачами. Разве бы они мой пед пережили?

– Тогда бы своих завел, и воспитывал!

– Крис, брэк! Не подкатывайся, знаешь же, тема закрыта.

Давай лучше разобраться в твоих покойниках.

– Ага, только любопытно, сам знаешь... Мазая привезли, значит?

– Угу. А куда они денутся? Я проконтролировал с утра. А с Лорой вчера еще закончил. С кого начнем?

Кристи хотела ответить, что с Лоры, но закашлялась сухим, раздражающим грудь кашлем.

– Ого! Может, ну их, покойников? Не сбегут, чай. Давай лучше тобой займемся?

– Дим, так и я, вроде, бежать никуда не собираюсь. Как бы тоже сдаваться пришла, ты ж кудесник, все как надо сделаешь. Так что давай про покойников начнем? С ними возни меньше.

– Как скажешь, начальник. Ты сама-то на них посмотришь?

– Не, смотреть не буду, что я там не видала? Рассказывай давай.

– Тогда с Лоры? Жалко девочку, хорошая была, славная... Ну, тут все ясно и, вроде как, понятно. Задушили. И точно могу сказать, если это имеет значение, – не насильовали. Ну, по крайней мере, не вчера.

– Это как понять?!

– Как-как? Девушка видная, половая зрелость давно наступила. Так что про секс она явно не из рассказов знала. Но

вчера ни с кем и ничего у нее не было, ни добровольно, ни по принуждению. Вот так.

Кристи, если честно, была сильно удивлена: жизнь на станции настолько прозрачна, ни про какие секреты и речи быть не могло. Кто чем дышит, кто кого любит и с кем встречается – все становилось известно в один момент. Про Лору тоже все знали: она с детства дружит с Марком, что и неудивительно, – росли вместе. Но детская дружба – это одно... По крайней мере, к Марку нужно присмотреться повнимательнее. Она вспомнила, как парень плакал вчера в коридоре. Может, он знает что-то такое, чего не рассказал ей? Но, с другой стороны, а что она успела спросить? И не только у него...

– А когда?

– Что когда? Если когда с мальчиком переспала, то это вопрос не ко мне, к мальчику. А если про когда смерть наступила, то это ориентировочно где-то за час – полтора, два, может, до того момента, как я ее в коридоре осмотрел. Вот, собственно, и все.

– А почему она не кричала? Не звала на помощь?

– Это опять не ко мне вопрос. Вот когда с этим убийцем разговаривать будешь, и спроси у него.

– Да это так, мысли вслух...

– Я посмотрел у нее повреждения, в смысле, может быть, он оглушил ее, а потом, без сознания уже, душиТЬ начал? Ничего. Но синяки на руках есть. Сопротивлялась, точно. А

комнату осматривала? Может, там чего есть?

– Нет, Рат не дал, угнал к Мазаю. И чего так торопился?!  
Скорей, скорей... Даже одеться по-нормальному не дали.

– В психе он был, сама же видела. Сейчас, вот, запил, тоже проблема. Вместо него пока Координатор, а это тот еще бюрократ.

– Точно, в психе. Еле от Векса оттащили. Поди теперь, разберись, чужая на нем кровь или своя? Только я Феликса понимаю. У него же теперь вообще никого не осталось, – Кристи невольно поежилась: да уж, судьба... – Ладно. По Мазаю давай.

– Мазай... Давненько я таких «красавцев» не видел. Если без выводов, то примерно так: на спине семнадцать ножевых ран. Из них минимум десяток – смертельные. Кровопотеря... Ну, это ты сама, наверняка, заметила.

– Да уж, ботинки еле отчистила потом.

– При этом выбиты зубы, сломан нос и пара ребер тоже. Пинали его, однако, и обувь тяжелая была, массивная.

– Тоже видела. При жизни? Или мертвого уже?

– Ну, вопросик! Не скажу, тут уже осмотра маловато, лабораторные исследования нужны, сама понимаешь. Хотя, если честно, с трудом представляю, как его живого пинать по лицу могли. Крис, у него рост – метр восемьдесят, минимум. Так что, думаю, мертвого все-таки.

– А умер когда?

– Тоже сложно. Думаю, что от десяти-двенадцати часов

до суток.

– От какого времени? От сейчас?

– Нет, конечно, от обнаружения. Точнее сказать не могу, сама говоришь – холод там собачий был.

– Ну да, вода в кружке замерзла. А в ведре – здоровая такая корка.

– Вот видишь. Лекцию по судебной медицине читать не буду, скажу только, что время появления трупного окоченения и прочих характерных признаков прямо пропорционально температуре окружающей среды, – поймав удивленный взгляд женщины, доктор понял, что загнул, и поправился. – По-русски это будет так: чем холоднее, тем дольше труп свежее, окоченеваает, то есть, позднее. Для подробностей, опять же, возможностей не хватает.

– Дим, и вот обоих их мог убить один и тот же человек?!

– Ты это меня спрашиваешь? Сашка видел? Он, скажи, ошибался хоть раз? Нет? Вот именно, и от этого скакать надо.

– Дим, ошибиться все могут.

– Ну, девушка, это уже крамола! Грин не ошибается – это аксиома, – Мамба засмеялся. – Все, хватит про покойников! Рассказывай, что у тебя, и раздевайся, слушать буду.

– Сопли, слабость, в горле першит. Вчера сильно взмерзла. Спала мало. Еще что?

– Хрипы, – Мамба протянул ей старенький, неизвестно как выживший градусник, – меряй, да осторожнее, не раз-

бей.

– Доктор, я жить буду? – спросила она жалостливым писклявым голоском, скорчив плачущую рожицу.

– Не ерничай, Крыська! Воспаление легких никакие катализмы не отменяют. А в наших условиях это, фактически, приговор: с антибиотиками-то беда.

– Так уж прямо... – надо сказать, Кристи немного испугалась.

– Прямо, криво.... А ты что думала, меня тут за красивые глаза держат? Или Рат просто так приказал всех соплястых прямым ходом на карантин? Тут один чих может всю станцию махом выкосить! И никакие высоколобые с Академической ничего не сделают. Пока, по крайней мере, большого толку я от них не вижу.

Несмотря на то, что с Мамбой она общалась часто и даже немножко дружила с ним, Кристи как-то не задумывалась, отчего тот пользуется особым расположением Рата, получает все необходимое по первому требованию, а медблок занимает целых четыре помещения, два из которых – пресловутая карантинка и операционная – использовались не так уж и часто. Да и стационар – четыре койки – почти всегда был полупустой. Кстати, а где он покойников вскрывает?

– Дим, а мертвые наши где? – спросила она неожиданно даже для самой себя.

– Хм... – Мамба отчего-то смутился. Увидев же, что Кристи ждет от него ответа и не отстанет, махнул рукой и засме-

ялся. – А-а, ладно! В карантинке они. Два дня до похорон полежат. Я их формалинчиком обработал. И все, хватит об этом. Завтракала?

– Не-а, не хочу.

– Тогда терпи. Не по правилам, конечно, но больно мне твой кашель не нравится. Попробую перебдеть. Укол тяжелый. Будет плохо.

Действительно было плохо: закружилась голова и затошнило. Наверное, и вырвало бы, да только нечем.

– Надо было позавтракать, легче бы перенесла... Все. Свободна.

– Не, а вердикт?!

– Карантин, – увидев, как вытянулось лицо у женщины, Мамба поспешил успокоить, – шучу. Но по станции не особо шляйся, заразу не разноси. Завтра еще уколю, только поешь перед этим. Пить будешь вот это, – он протянул ей пакет с серым порошком. – Продукт «высоких технологий» от «академиков». Отрекламирован как антигриппин. Вот на тебе его и проверим. А вот это, – Мамба снял с полки большую жестяную банку, в каких раньше хозяйки хранили муку, пересыпал часть содержимого в матерчатый мешок, – тебе персонально от Дмитрия Анатольевича, то бишь, от меня. Котовник. Наши друзья, муринские мутанты разводят по моей нижайшей просьбе. Заваривать будешь от кашля.

Уже уходя, она вдруг спросила:

– Дим, а ту девушку, год назад, помнишь?

– Наташу? Что Андрюха Креховец задушил? Как не помнить? До сих пор не могу понять, что нашло на него? Абсолютно адекватный парень был, я его знал хорошо. Казалось так, по крайней мере.

– Так там тоже, вроде, никто ничего не слышал. А дело в туннеле было...

– Ну, не знаю. Может, она сознание потеряла, там у нее на затылке гематома была. А что хочешь-то?

– Да так, вторая задушенная...

– Что бы изменилось, коль была бы зарезанная?

– Ты прав, пожалуй. Ничего.

– И не шлейся, ладно? Координатор увидит такую – и меня взгреет, и тебя точно запрет в карантинке вместе с покойниками.

– Да уж, постараюсь не попадаться...

\* \* \*

Последнее предупреждение было излишним: Кристи и так уже решила немного отлежаться, хотя бы поспать, если получится. Да и проанализировать все не мешало бы. Информации много, а с Вексом надо беседовать предметно.

Так что – домой, однозначно. Заварит чаю или котовника этого, устроится у себя на топчане, закутавшись в одеяло... От этих мыслей стало тепло и уютно, вспомнилось детство, когда она зимой, нагулявшись на морозе, пряталась потом в

одеяло, а бабуля поила ее чаем. С медом, с конфетами, с вареньем... Правда, у Кристи всегда, по обыкновению, получалось ровно наоборот: конфеты, мед и прочие сладости исчезали у нее намного быстрее, чем вода в чашке. Получалось, вроде как, не чай с конфетами, а конфеты с чаем. Причем последний был нужен, как говорила бабуля, чтоб уж «там» совсем не слиплось. Что она имела в виду под «там», Кристи, почему-то, узнала уже взрослой и сильно смеялась. Хорошо, что бабуля умерла задолго до этого кошмара. Счастливая...

Развесив на веревке в углу мокрое белье и полотенце, Кристи собралась в поход к бойлеру: уже в студенческую пору она научилась ценить просто чай, без конфет и даже без сахара, поэтому, как ни лениво было тащиться через всю станцию, но без кипятка – никак, никакого кайфа.

На пороге она столкнулась с Маринкой.

– Теть Крысь, я в гости...

– Так и не пошла в школу-то?

– Не, опоздала все равно. Можно к тебе?

– Нельзя, Марин, работать я буду.

– А я тихонечко в уголке посижу.

– Ты? Тихонечко? Сама-то в это веришь?

Маринка насупилась: делать ей было сейчас ровным счетом нечего, и она умирала со скуки.

– Марин, книжку новую хочешь? Сказки.

Надо отдать Маринке должное: при всей ее нелюбви к школе и урокам, она, тем не менее, очень любила читать. На

этой почве они с Кристи, собственно, и подружились.

– Ага! Когда вернуть?

– Да оставишь себе. За небольшую услугу, – женщина протянула девочке термос, – кипятку принеси. Осторожней только.

Наряду с сундуком термос – еще одно ее замечательное приобретение, предмет зависти многих тутошних хозяек. И, при ее неисправимом водохлебстве, вещь в хозяйстве просто необходимая: избавлял от постоянного шастанья к станционному бойлеру.

– Кипятку или чаю?

– Марин, просто кипятку.

Заварка у нее была своя. И котовник еще.

\* \* \*

Кристи давно заметила про себя одну вещь: думается всегда лучше, когда руки чем-то заняты. Именно поэтому всегда, когда надо было что-то серьезно обдумать, она вязала. И себе, и другим, кто попросит. Слава Богу, и покойнице-бабуле, руки из того места росли.

Давно уже ее основная работа не требовала постоянной занятости. Так, авралы. Отчаянных дураков, по которым «Дача» плачет, становилось все меньше и меньше. Кристи не раз уже просилась у Рата определить ее на какие-нибудь работы – очень не хотелось чувствовать себя бездельницей,

и ловить вслед осуждающие взгляды, а то и слышать возмущенный шепот за спиной: «нахлебница!». Но тот был непреклонен: нельзя ронять авторитет карательных органов. Тогда она и придумала себе эту работу. Для себя вязала всегда, а тут сама предложила связать одному, второму... Вязаного старья было много, а из-под ее рук выходили вполне приличные и красивые свитера, кофты, шарфы. А один раз – даже платье. Со своих, станционных, за работу она не брала ничего. Ну а если забредал с заказом кто-то чужой, то платили кто и чем мог. Так вот и термос у нее появился, и спицы новые. И заварка настоящая, довоенная. Да и нитки иногда приносили, не только рванину.

Сегодня она занималась свитером, распускала его. Потом свяжет из него два маленьких, на близнецов Вовку и Мишку. Орнамент уже придумала, и своих ниток добавит, чтоб понаряднее сделать. Вязка ручная, так что распускать не сложно. Руки работают, а голова – думает...

Начнем с Лоры. Время убийства. Рат нашел ее около четырех утра. К этому времени она была мертва уже около часа или двух. Точнее Мамба сказать не может. Векс появился на станции около трех. То есть вполне мог убить. Вопрос: за что? Ни в какую логику это не влезает... Стоп! Эмоции потом. Сначала факты. Убил, раздел. Или она уже разделта была? Бр-р-р... Не насиловал – ни он, ни кто-то еще. Может, хотел, да не получилось? Убил случайно? Так, куда-то ты, дамочка, не туда полезла. Но спросить надо будет. И ботинки

его посмотреть: кровь есть или нету. Одежду снимать бесполезно, там теперь его собственной кровищи прорва. Но, с другой стороны, дозорные на нем крови не заметили. И запасной одежды с собой не было. Снял и выкинул? А где? В сторожке ничего такого не было, рядом – тоже, она специально смотрела. В туннеле? В принципе, возможно. Только какой-то убийца предусмотрительный получается: первый раз сюда из Токсово пожаловал, и сразу взял с собой запаску... Что, думал – убивать придется? Или он не за того себя выдает? Но... Но тогда он наверняка мог слышать про Сашку, хоть и не распространялись про него, но земля, метро, то бишь, слухами полнится...

И совсем не понятно, на кой ляд он заявился сюда? Что забыл? Ладно, спросим... Интересно, а вот почему никто не слышал шума? Хорошо, стенки толстые, но через дверь-то крик бы услышали? Когда Рат закричал, все повыскакивали. И... Лежала девочка перед дверью его комнаты. Не перед своей, перед его! Уф... Нет, она про такое даже думать не будет, слишком получается жутко. Рат, конечно, скотинка еще та, но дочь любил очень. Жил для нее. И ради нее. Хотя... Почему Рат вчера не дал осмотреть ее комнату? Она все осмотрела, и его тоже, а вот к Лоре он не пустил? Прогнал в сторожку... Нет, дико это. Да и нервничал он, пока она там все осматривала. Торопил ее постоянно. Нет. Марк вот... Плакал... Наверное, влюблен был.

Интересно, а какие на самом деле между ними были от-

ношения? Что он знать может? Пока она сумела выяснить только одно: он, как и все остальные, ничего не слышал, спал. И... И с кем Лора спала? Интересно, имеет этот ухажер отношение к ее смерти? Вообще, кто он? Пожалуй, даже Рат не знает. Ну, конспираторша... Может, Марк? Почему бы и нет? Парень-то видный и возможностей для уединения у них прорва была – все-таки отдельная комната. И свой он, на чужака бы внимание обратили тут же... Вопросы, вопросы... Пока комнату Лоры не посмотрит, и на половину не ответит. И Векс... Только будет ли он с ней разговаривать-то? А если будет, то скажет ли правду?

Векс... Сколько у него росту? Так, она сама – сто семьдесят, а он-то, пожалуй, пониже будет. Или такой же. А Мазай – сто восемьдесят? Правда, Векс, судя по всему, мужик крепкий, тренированный. И не старый. Мазай-то постарше будет. Не на много, но постарше, точно. Наверное, ровесник Рату. И ботинки у Векса подходящие, тяжелые, армейские... И за что его так? Ведь точно, мертвого били-то. Это же какая ненависть должна быть? У человека, с которым и не встречался никогда. Или встречался?..

И еще беглец этот...

Странно, кстати, а зачем она все это делает? Ведь от ее отчета не зависит ровно ничего, судьба Векса решена. Рат, правда, всегда требует подробного изложения доказательств. Правосудие, мать его ети... Одних показаний Саше ему якобы мало. Хотя, на самом-то деле, именно они и являются ос-

новными. Как же, главный свидетель обвинения. Очевидец, фактически. Надо бы спросить, что он в этот раз видел-то... Интересно, а что скажет Рат, когда я ему вот это все выложу? Как выкручиваться будет?

Свитер кончился, вода в термосе – тоже. Интересно, а сколько сейчас времени? С другой стороны, какое сейчас время? Идеальная условность: сколько назначим, столько и будет. Но не вечер точно – с работы народ еще не потянулся.

В животе требовательно заурчало. Кристи поняла, что жутко хочет есть. При всем при этом, идти никуда не хотелось. Комната неожиданно показалась ей такой родной и уютной, а остальное станционное пространство, наоборот, чужим, враждебным... Вот останется она тут, и никаких тяжелых мыслей больше не будет. Ни убитой Лоры, ни Мазая, ни Векса... Ничего этого не будет. Дом укроет, дом спасет...

Наваждение прошло так же быстро, как и появилось: ни страуса, ни улитки из нее не получится. И проблемы сами собой не рассосутся. Так что: обедать, потом – комната Лоры. И с Сашей поговорить обязательно. И Векс... И Марк еще. Но комната – в первую очередь. Осмотр – это первоочередное. Негоже недоделанным оставлять.

# Глава 6

## ФЕЛИКС РАТНИКОВ, КОРОЛЬ КРЫС

*Старухе Смерти взятку дали  
И погрузили в забвенье,  
И напоили вдрызг ее,  
И даже косу отобрали...*

**В. Высоцкий**

*9 ноября – утро 10 ноября. Станция Гражданский проспект*

Бульк... Бульк... Приятные звуки, ласкающие. Еще раз – бульк. Три булька – как раз, глоток. Теперь еще раз: бульк-бульк-бульк...

– Димка! Азаров, мать твою! Эй, Координатор хренов! Кому сказал – сюда! Ик... С-свол-очь, прятать от меня мою же выпивку?! С-с-су-ик..-а... Вон! – кружка летит в дверь.

Сколько прошло времени? Час? Десять? Или вечность? И разве это имеет значение теперь? Все... Нет ничего. И ничего не нужно. Умереть... Он хочет умереть. Какое блаженство: ничего не чувствовать, не видеть, не знать... Слез нет...



– Лора, Лора, помидора,  
Мы в саду поймали вора.  
Стали думать и гадать,  
Как же вора наказать?!

– Феликс! Ты ее замучаешь! – Марина пытается соорудить хмурое лицо, но не выдерживает, хохочет.

Маленькая девочка вырывается из рук мужчины и, смешно переваливаясь на пухленьких ножках, бежит в коридор.

– Ай, сейчас догоню-догоню-догоню! – Рат хлопает в ладоши и смеется ей в след. Девочка визжит от удовольствия.

Счастливая семья...

– Папочка, папулечка, а расскажи, – получается смешно «вафказы», половину букв мы еще не выговариваем, – а расскажи, как люди раньше жили, как там, сверху? – Лора обняла его за шею, хитрюге пора спать, но она не хочет, тянет. Как все дети.

– Так я же тебе рассказывал?

– А ты еще расскажи!

– А спать?

– Ну-у, папулечка!

– Лиса! Ладно, слушай...

И он опять, в который раз уже, пересказывает ей одно и то же. Чудесную сказку о прошлом...

Лора... Его Лорочка. Он больше всего боялся, что родится девочка. Там, наверху, остались два его сына, он заставил себя забыть их, похоронил раз и навсегда: шанс, что они выжили – один к тысяче. Так же, как и жена. Он заставил себя все начать сначала. Поэтому и хотел сына, наследника. Марина родила дочь.

Нет, он обожал своих мальчишек, но такого приступа нежности не испытывал ни к одному из них. Девочка. Слово-то какое – нежное, ласковое. Крохотный, пищащий комочек. А выросла... В маму, в Маринку, в Мариночку. Красавица получилась. Но это лицом и статью. А характер – характер его, Ратникова, Рата. Марина Ангелиной назвать хотела. Но он настоял, чтоб Лорой. И прав оказался. Ангелина – это не для нее. Лора. Лариса Феликсовна Ратникова. Такая, пожалуй что, и на его месте смогла бы неплохо смотреться. Со временем, естественно. Любого мужика за пояс заткнет, в дугу согнет, и не смотри, что восемнадцати нет еще. Координатор, и тот ее побаивался. И правильно. Что, Марку в жены захотел?! Породниться, значит. Так это потрудиться еще надо. Марк, ха... Для нее ли? Не-ет, кишка тонковата! Зато амбиций-то сколько... Захочет верх взять... Ой, захочет. Да только она же его уроет в момент! Нет, Марк ее не потянет. Слабак.

Но и не тот, залетный... А-а, шельма Лорка! Это ж на-

до, что удумала? У родного отца под боком?.. Эх, мало он тогда этому-то всыпал. Любитель клубнички... И Лорке надо бы порку задать. А как смотрела-то на него! Хоть бы чуточку раскаяния! Нет, его же и обвинила сама во всем. Родного отца – в том, что чужого мужика за шкирку из ее кровати вытащил! «Ты, папочка, сам говоришь, что кровосмешение допускать нельзя. Детей лучше рожать от пришлых!» Вот же зараза! Слово-то какое – «кровосмешение». И не поспоришь. Говорил. Только вот не думал, что дочка тоже, вот так, с кем попало. Не для нее говорил! Лорка-а-а... Плевать бы, что от кого попало. Но внук был бы. Или внучка...

У-у-у-у-у!..

Бульк, бульк, бульк... Три булька – глоток. Фу, мерзко! Маринка бы сейчас ругалась... Ой, и не любила она, когда муж выпивал. Всегда дулась, не разговаривала потом. А что он, пил, что ли? Но женщины... Счастливая! Раньше Лорки ушла. Бросила его, одного. А он и помочь не мог. Никто не смог бы. Как это Мамба сказал? Ан-фи-лак-ск... Нет. Ан-фи... Анфилак... тический, вот, шок. Да плевать ему, какой он там этот шок! Главное – один маленький укус, и – нет человека. Но почему именно ее? Почему?! А теперь Лора...

Бульк, бульк, бульк... Три булька – глоток. Все, пусто...

И в душе тоже – пусто. И темно. Черно. Навсегда...

– Папа!

– Лора, Лорочка!! Где, где ты? Лора-а?!

Тишина... Мертвая.

Сколько он уже так сидит? Плохо-то как... Нет, права была жена, что пить не давала... Фу, ик!.. Голова. Трещит. Лора...

– Папа!

– Лора! Лора-Лора-помидора, мы в саду поймали вора...

Как же больно!.. Невыносимо больно. Что это? Нож. Лезвие холодное, приятно... А что, если?..

Нет! Не сейчас. Рано. Пока жив этот ублюдок – рано. Он еще хочет насладиться его смертью!

Больно... Больно!

– А... З-з-араза! Азаров! К-ик-рдинатор! Мамбу давай! Да поторапливайся...

\* \* \*

Когда Мамба влетел к Рату, тот отрешенно смотрел, как кровь медленно капает с запястья на стол. Доктор облегченно вздохнул:

– Ну, я думал, что-то страшное.

Рат поднял на него мутные глаза:

– А это что, не страшно? Больно...

– До свадьбы заживет, однозначно.

– Не заживет...

Мамба запоздало понял, что Рат имеет в виду совсем не рану на руке, но решил не подавать виду.

– Вот никогда бы не подумал, что всеильный начальник

СБ уподобится истеричной барышне и начнет резать себе вены.

Рат промолчал. Не потому, что он не услышал упрека – просто все, что происходило вокруг, абсолютно не заслуживало его внимания. Несмотря на пьяный угар, он четко осознавал – жизнь кончена. Она закончилась в тот момент, когда он увидел на пороге своей комнаты Лору. Мертвую.

Тогда, двадцать лет назад, Рат, тогда еще просто – Феликс Ратников уже терял все, но пережил это достаточно легко: он просто приказал себе не думать о прошлом. Нет, конечно же, в первые дни после случившегося, Рат, как и остальные, ждал и надеялся, что все вот-вот закончится, и можно будет вернуться к прежней жизни. Когда же пришло понимание: прошлое утрачено навсегда, – не растерялся, не впал в депрессию. Первые дни и недели после Катастрофы были полны боли, отчаяния и бесконечной потерянности. Для всех. Кроме Рата. Ему не впервой было начинать все с чистого листа – он же из провинции, «никто и звать никак». Сам всего добился, сам. Еще майора получить не успел, а уже начальник розыска, через год – зам по оперативной работе. С перспективой или на начальника, или на переход в ГУВД. Да не простым опером, само собой. Ну, а чего это ему стоило – пусть все заткнутся и завидуют молча.

Только, наверное, у всего есть предел. Или это уже возраст? Или теперь у него есть все, и больше ему действительно ничего не надо? Кроме счастья для своего ребенка? Для

Лоры...

При мысли о дочери Рат застонал и прокусил губу. Но не почувствовал боли, так же, как и не чувствовал ее, когда резал себе руку. То, что сжигало его изнутри, болело стократ сильнее...

– А что мы пьем? – Мамба взял со стола пустую бутылку. – Ого, виски! Хорошо живем.

– Налить? Давай, выпей со мной!

С этими словами Ратников вытащил из стола еще одну, непечатую бутылку и стакан.

– На свадьбу берег. Выпьешь? За упокой? Что смотришь? Это святое...

– Наливай. Помяну.

Рат хотел налить и по второй, но Мамба проворно выхватил у него бутылку:

– Нет. Теперь все.

– Отдай!.. А, – Рат устало махнул рукой. – Еще есть! Моду взяли – мою выпивку воровать... А я еще найду, – он попытался встать, но не удержался, грохнулся на пол. – Ч-черт! Эй, М-м-амба... Коор... Димка... Кто там? Встать... Надо... бы...

– Ну вот, кажется, утомился-таки.

– А если опять? Может, укол какой?

– И отправить его к дочке? Нет уж, увольте. Часа-то два точно проспит, а потом уже будем посмотреть. Вот еще мне забота, из болота тащить бегемота... – увидев, что Коорди-

натор недоуменно смотрит на него, Мамба пояснил: Стишок, детский... Слушай, Дим, а ты с похмелья сам болел когда-нибудь?

– Нет. Не пью. Вообще.

Координатор врал: один раз он все-таки напился, и на следующий день жутко страдал. Но посторонним про это знать не полагалось.

– Вот и я нет. – Мамба улыбнулся. – Хоть и не язвенник-трезвенник, как некоторые... Ладно, делать будешь так. Ты ведь сам все будешь делать? Никто ничего видеть не должен, не мне тебе объяснять... Как проснется – налить полстакана. Больше – ни-ни. Постараться накормить. Зиночке я скажу, сварит ему бульончика. Все спиртное спрятать. И позвать меня.

\* \* \*

Рат проспал ровно час.

Ему снилась Лора. Такой, какой она была маленькая: смешной, кривоноженькой, ласковой... Он проснулся почти счастливым, и, когда открыл глаза, то не сразу понял, где находится и что произошло. А когда осознал – завыл. Кто он теперь? Опять, как и раньше – никто. Сирота. Один в этом прогнившем, больном мире. За что его так? За какие грехи? Другие больше грешили...

Взгляд упал на крохотную, помутневшую от времени фо-

тографию в рамке: Марина. Единственная память о жене. А вот о Лоре... О Лоре у него ничего не осталось. Он так и будет помнить ее такой, как увидел в ту жуткую минуту: изумленно и обижено смотрящую на него снизу вверх мертвыми глазами...

Неожиданно его разобрал смех: как он раньше не догадался? Как мог забыть? Грин!.. Он сделает все, как надо! Лора, его Лора всегда будет с ним!

Вместе со смехом пришли и долгожданные слезы. Легче, правда, не стало. «Поплачь, легче будет». Враки все это, враки...

– Азаров, етитный дух! Сюда!

Координатор осторожно заглянул за дверь, увидел на столе непечатую бутылку: «Ах, черт! Надо было сразу все обыскать! Допьется до «белочки» – греха не оберешься. Или уже допился? Час от часу не легче...»

– А, Диман, крадешься? – Рат зло хохотнул. – Ну что ты за человек такой! Ни украсть, ни покараулить. Ни слово сказать... И не выпить с тобой, – с этими словами Рат налил себе, а потом – и во второй стакан. Усмехнулся, увидев, как посмотрел на него Координатор. – Не бойсь, сегодня не заставлю. Грина позови. Сейчас же...

\* \* \*

– Рат! Рат! Феликс, да проснись же ты! Хватит спать, вста-

вай уже!

– Отвали... О-о-о... Ты кто?

Рат непонимающе глядел на человека, посмеявшего вырвать его из объятий спасительного забвения. Голова трещала, во рту – точно кошки нужду справляли.

– Пить будешь? – Рат пошарил на столе бутылку, не нашел. – А нету... Погодь! Азар-ров!..

И опять уронил голову на стол.

Мужчина растерялся: уже минут десять, как он безуспешно пытался добудиться спящего.

– Я предупреждал, начальник спит.

Голос был неприятный, скрипучий. Мужчина от неожиданности вздрогнул: Координатор, чупакабру ему в печенку, всегда появляется, как привидение!

– Дмитрий Николаевич, мне очень нужно его разбудить. Ну, сделай что-нибудь, а?

Координатор равнодушно пожал плечами: вот еще, будет он решать чужие проблемы!

– Ждите. Вы же сами видите, Рат сейчас неадекватен.

– Не могу. Не могу я ждать! – мужчина скрипел зубами от ярости. Как бы ему хотелось сейчас двинуть хорошенько им обоим: и Рату, который напился, как свинья, и дрыхнет, и этому, прихлебателю. Но он знал, что никогда не сделает этого. Чревато.

Координатор ушел так же бесшумно, как и появился. Сво-  
лочь!

Гость плюхнулся на табурет, тот заскрипел под его массивной фигурой.

– Черт, не хватало еще грохнутья тут! Начальник, а стула нормального нету!

Вообще обстановка кабинета была спартанской, ничего лишнего. Правда, если присмотреться, то заметишь, что аскетизм касается лишь обстановки, но никак не качества мебели. И стол, и шкаф явно были не из магазина «Икея». Да и диванчик тот еще, эксклюзив... Так что, изломанная табуретка – это скорей исключение из правил. Мужчина пересел на диван. Ух, хорошо! С ортопедическим матрасом, не иначе. Может, действительно, ну его? Растянуться сейчас во весь рост и дать храпака, пока сам хозяин не разбудит? Он представил себе эту картину, усмехнулся: Рат, пожалуй, разбудит. Такого пинчища даст!..

Да и недосуг ждать-то. Уж больно новость горячая, надо что-то решать, причем – не откладывая в долгий ящик. Зря что ли он прилетел ни свет ни заря с самого «Мужества»? Чтоб посмотреть на пьяную рожу начальника? Ну уж нет!

Мужчина собрался с духом.

– Будем решать проблему кардинальным способом. Ох, прости меня, Господи! – с этими словами он размахнулся и со всей силы шлепнул Рату сначала по одной щеке, потом по второй. Повторил экзекуцию.

Глаза Ратникова наконец-то приобрели осмысленное выражение.

– Мороз... Приперся, падальщик? Порадоваться моему горю?

Мужчина пропустил сказанное мимо ушей, вытащил из-за пазухи бутылку (хорошо, догадался, прихватил), плеснул в два стакана по глотку.

– Выпей. Помянем дочку. И хватит.

– Не могу. Голова раскальвается...

– Через «не могу» давай. Надо. Ну, помяни, Господи! Царствие небесное, как там еще? Пей!

Рат послушно выпил, тут же закашлялся. Ну и мерзость...

В этот момент словно из воздуха материализовался Координатор, поставил на стол кастрюлю и так же тихо исчез.

Запах из-под крышки шел такой, что начисто перебил перегарную вонь.

Мороз решил не скромничать: как-никак, а закусить предполагается.

– И что тут у нас? Бульончик? Вот сейчас и позавтракаем.

Рата от этого запаха вывернуло наизнанку. Зажав рот рукой он рванулся в угол, с трудом удержался на ногах... Но желудок изверг наружу только мерзко пахнущую слизь вперемешку с выпитым спиртным. Феликс тихо застонал и с трудом выговорил:

– Андрюха... пошел вон! Я тебя звал? Вот и вали к себе на «Мужества». И не забывай, кто из нас начальник, а кто зам.

Мороз смотрел на Рата и не узнавал его. Неужели горе может так изменить человека? Дело даже не в том, что вме-

сто уверенного в себе, жестокого и жесткого Феликса Ратникова перед ним сейчас предстала старая развалина, мямля, опустившаяся за каких-то несколько часов. Рат изменился внешне: когда Мороз зашел в кабинет и увидел откинувшегося на спинку стула спящего человека, он не узнал в нем своего начальника. Осознание, что это он, пришло позднее – после того, как Андрей сообразил: в кабинете Рата спать может только Рат. Но жалости к нему не было. Презрение – это да: расклеился, тряпка...

– Феликс, я-то свалю. Но мне кажется, ты должен кое о чем знать. Именно потому, что начальник – ты. И решать все – тоже тебе.

Мороз говорил и сам себе все больше и больше удивлялся. Рата он всегда побаивался. Когда тот разговаривал с ним, Андрея не покидало ощущение: начальник знает про него все, даже то, в чем он и сам себе боится признаться. Еще вчера он и дыхнуть в сторону без его разрешения не решился бы! А сейчас вот пьет с ним водку и запивает его же бульоном... Да еще и перечить смеет. Но дело и впрямь было из тех, что пахнет керосином. Ставки очень высоки, а принимать решения самостоятельно он боялся. Нет уж, пусть начальник думает. Голова у него большая. Да, в случае чего, и снимать ее некому. Не то что у него, у Мороза...

– Рат, ты выслушаешь меня. Я не уйду, пока ты не сделаешь этого.

Кинув на зловонную лужу полотенце (ничего, отстирают!)

Мороз решительно налил в чашку дымящийся бульон:

– Пей! Лучше будет, обещаю.

Рат послушно выпил, с удивлением заметив, что действительно стало легче: революция в желудке унялась, голова стала гудеть чуть тише. Кажется...

– Все, включай мозги.

Мороз начал было говорить в своей обычной манере: издалека, задавая вопросы, и тут же отвечая на них сам:

– Ну, кто такие вегане ты знаешь. А про их исследования, ну, что они пытаются новый вид человека создать...

Но Рат перебил его:

– Короче, Склифосовский! Это в метро каждая крыса знает. Суть давай!

– Суть... Ладно, будет тебе ссуть. Ко мне поступила информация, что нашими исследованиями и муринцами заинтересовалась Империя.

Рат, однако, сенсации не оценил.

– И что? Пусть интересуется, сколько пожелает. У нас – ни коня, ни воза. Или ты от меня скрыл что, а? – Рат посмотрел так, что у Мороза по спине побежали мурашки. – А муринцы... Эти Вегану не по зубам. Да и до нас им не добраться, факт. Проблема в чем? Или, – Рат недобро усмехнулся, – ты мне сотрудничество от их имени предлагаешь?

Мороз поперхнулся начатой было фразой: не хватало еще быть зачисленным в веганские шпионы.

– Рат, ты что? И в мыслях не было. Я ж знаю, кто они...

Нет, я про другое. Вот у тебя что сейчас на станции произошло?

– Слушай, шел бы ты отсюда? – Рат не сказал, прошипел. Кулаки сжались, глаза побелели от ярости.

Мороз испугался не на шутку: перед ним вдруг оказался прежний Ратников. Да, рано он его со счетов списал, рано...

– Рат, да я...

– Вон!

Это «вон» вдруг разозлило Мороза. И даже не само слово, а тот презрительно-пренебрежительный тон, коим оно было произнесено. Да сколько, черт побери, можно? Сколько можно терпеть эти унижения?!

– Не уйду! – Мороз решительно плюхнулся на табурет, забыв, что тот на ладан дышит. Табурет скрипнул, зашатался, и... развалился под его весом.

В другое время Рат, глядя на то, как Мороз, чертыхаясь и потирая ушибленные места, пытается подняться, точно бы расхохотался. Сегодня было не до смеха. Но и злость на так некстати явившегося зама прошла.

Мороз же, наоборот, от падения совсем слетел с катушек:

– А, черт! Стулья нормальные заведи, ты...начальник! Думаешь, я уйду сейчас? Ни за что! И ты будешь меня слушать! Будешь!!!

Ратников с удивлением посмотрел на своего зама: надо же, оказывается, он голос имеет? Может, стоит присмотреться к нему повнимательнее? Может, еще толк из него будет?

– Харэ орать, не на базаре! Говори.

– Мой источник сообщил, что Веган готовит проникновение на станции Конфедерации, – Мороз сделал паузу, ожидая реакции Рата, но тот молчал. Тогда он продолжил:

– Да, напрямую до нас им не добраться. Спасибо Размыву. Это факт, но существует много возможностей. Дестабилизация обстановки, свой человек во главе Конфедерации... Не мне тебе объяснять. И...

– Хватит воздух трясти. Ты намекнул, что инфа как-то связана с убийством Лоры? Рассказывай. Пока я ничего не вижу.

– И Лоры, и Мазая. Только не перебивай меня, ладно?

– Ну, валяй, попробую дослушать твою галиматью.

Рат слушал Мороза с плохо скрываемым раздражением. Зачем? Зачем этот человек ходит по его кабинету и что-то говорит? В чем-то убеждает, доказывает ему что-то? Вот ему, Рату, оно сейчас надо? Лоры нет. Жизни нет. А этот... Что он хочет от него? Наградил Бог помощничками... Ни шагу самим без него, без Рата. Вот и получается, что надо ему... Как ни крути, но пока он отвечает тут за все. Он – глава. Не формальный, реальный. Сам себя назначил. А этот... Этот забудет все, что видел и слышал тут сегодня. Пусть только попробует не забыть!

– Веган, как известно, давно исследования проводит, поверхность освоить хочет. Но, по слухам, воз и ныне там. А тут – мурынцы. С виду и изнутри – обычные люди, не отли-

чишь от нас. А живут наверху, и ничего их не берет.

– Ты меня за советскую власть агитировать собрался? Я же сказал: короче!

– И обещал не перебивать. Ладно... Так вот, есть мнение, что этот самый Векс – агент империи Веган.

– Чаво-о-о? – Рат так и сказал, сознательно коверкая слово: «чаво», – Не бай шалей. «Есть мнение»... Фактуру давай, а не мнение. И побыстрее – голова раскалывается. Времени, кстати, сколько?

– Я пришел полседьмого. Утра.

– Хм... С самого с ранья заявился, значит... Что, не спится?

На самом деле, то, что пытался донести до него Мороз, заинтересовало Рата. И дело наверняка серьезное. Иначе не помчался бы помощничек сюда с утра пораньше. И уж тем более не стал бы его, Рата, тревожить. Просто побоялся бы. Но эта его манера... Трепло! Вроде должность-то – не разболтаешься. Ан, нет! Оратор хренов!

– Что замолк? Слова знакомые вспоминаешь?

– Ну вот тебе фактура. Первое: Мазая перед смертью сильно избили. Возможно – пытали. Зачем? Тут ответ сам собой напрашивается: сведения получить хотели. А какие сведения, если не о Мурино и его обитателях? Ты не хуже меня знаешь, что Мазай со Штаром в друзьях. И живет он... жил, вернее, в пересменок где? На «Гражданке», или, может где в другом месте? Не-ет, ты не хуже меня знаешь – в Му-

рино он жил. У него там свой угол имелся. Начхал он на радиацию, и жив до сих пор был, и здоров! Так что знал он немало. И не факт, что Векс этот один его убивал... Может, Грин только *увидел* его одного? А? Что скажешь? Вот так!

– Положим, убедил. Принято. С Мазаем ясно. А Лора? – Рат невольно скрипнул зубами. – Про нее твой информатор, что рассказал? Она тут при чем?

– Как при чем? «Ты виноват лишь в том, что хочется мне кушать...»

– Стишками заговорил?

– От тебя научился. Чья она дочка? Вот и делай выводы, кому насолить хотели. Кого из равновесия вывести. Это объясняет многое. И что у твоей двери лежала, и что голая... Они тебя растоптать хотели. Нейтрализовать.

– Угу. Положим, снова убедил. А доказуха где?

– Векс все расскажет. И укажет, кто из наших Вегану сведения сливает.

– Если сам знает. Говорить с ним будешь после Кристи.

– Но...

– После Кристи! Тебе не доверяю, не обессудь. Она поболе твоего вытащить из этого убудка сможет.

– Но это же секретная инфа, Феликс! Ты чего?!

– Ой, как мы испугались! Не бойся, из ума твой начальник не выжил. Мне надо знать, зачем он убил мою Лору. Все остальное – потом!

Мороз чуть не взвыл: вот же старый идиот! Он битый час

перед ним распинался, и – опять двадцать пять...

– Да, еще. Этот скот должен быть вполне здоров после вашего с ним виз-а-ви. Ясно изъясняюсь?

– Ясно...

– Тогда свободен.

– Рат, – Мороз замялся, – собственно, вот... Надо бы исследование провести. И по безопасности у меня кое-какие соображения... – он уже вынул из кармана листок, на котором предусмотрительно записал свои мысли, но Рат насмешливо прервал его:

– А ты что, еще ничего не сделал? Тебе для этого нужны специальные полномочия? Или мое величайшее соизволение?

– Нет, но...

– Считай, полномочия ты получил. Доволен? Сам дотумаешь, что делать, или тебе в няньки Координатора определить? Все, свободен! Зайдешь к Азарову, скажешь, что господин назначил тебя любимой женой...

Мороз, собравшийся-было ретироваться, в изумлении обернулся к Рату.

– Что, не понял? Скажешь Координатору, что исполняешь мои обязанности. И что у тебя сейчас – чрезвычайные полномочия. Он что надо сам потом сделает. А ты поруководи, докажи, что способен... Если способен...

Рат еще некоторое время смотрел на закрывшуюся за Морозом дверь. Руководитель, м-мать!.. Потом позвал Коорди-

натора. Тот явился без промедления.

– Ты совсем не спишь, что ли? Вечно на посту? Ладно, за преданность и долготерпение получишь бонус. Позднее. Не сегодня...

– Мороз правда остался за тебя?

– А ты что, недоволен? Или, может, сам надеялся? Не по Сеньке шапка! Так что перетерпишь. Да, чрезвычайные полномочия его я подтверждаю. Что делать в этом случае, ты знаешь. С новым начальником вас, Дмитрий Батькович! И скажи, чтоб тут прибрали. А я к Лоре...

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.